

Вера Лаврина

ПЯТЬ СЕСТЁР

ТРЮФЕЛЬКА

Везёт же тем сладкоежкам, которые рождаются принцессами, царевнами или, на худой конец, княгинями. Они могут лакомиться пирожными, мороженым, конфетами, сладкими пирогами, кремовыми трубочками и взбитыми сливками с утра до вечера.

Например, вечером они говорят своему повару:

– На завтрак я бы хотела банановую запеканку в земляничном желе с сахарными стружками. На обед – тушёную вишню в ванильном соусе и яблочно-абрикосовый кекс, обсыпанный миндальными орешками, а на ужин фаршированные пломбиром груши в глазури. Ну, а кокосовый пудинг, шоколадное печенье, бисквит с ореховым муссом и апельсиновое суфле – на закуски.

– Будет исполнено, – почтительно отвечает повар и в точности исполняет заказ.

Именно такой сладкоежкой и была принцесса Трюфелька. Её любимый повар Пампуша просто не знал, что с ней делать. Трюфельке давно уже надоели бисквиты, кексы, пирожные, кремы-брюле, конфеты и торты. Она выдумывала небывалые блюда, и Пампуша должен был исполнять мечты капризной сладкоежки. Каждый вечер принцесса звала Пампушу к себе и давала приказание на следующий день.

– Испеки мне, дорогой Пампуша, на завтрак клубничные кирзеты.

– Слушаюсь, ваше величество, – отвечает повар.

Правда, ему не совсем понятно, что такое клубничные кирзеты. Ясно, что это нечто сладкое на вкус и красивое на вид.

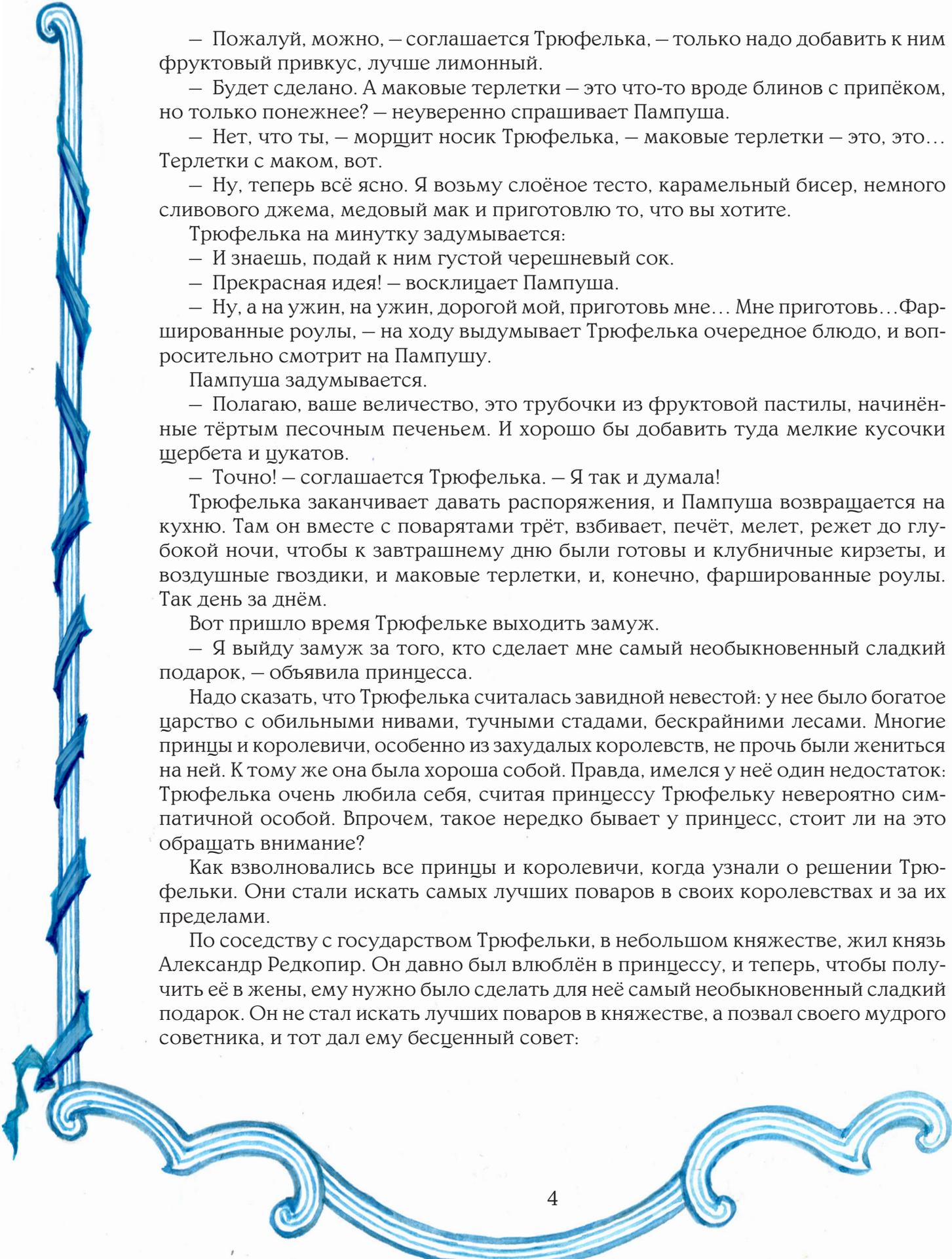
– Простите, ваше величество, а клубничные кирзеты – это что-то мармеладное, с привкусом сливочного крема?

– Нет, наоборот, – отвечает принцесса.

– Тогда всё понятно, – важно кивает головой Пампуша.

– К обеду на десерт пусть подадут воздушные гвоздики и маковые терлетки, – продолжает Трюфелька.

– Позвольте мне приготовить воздушные гвоздики наподобие лёгкого хвороста с сахарно-кунжутной пудрой.

– Пожалуй, можно, – соглашается Трюфелька, – только надо добавить к ним фруктовый привкус, лучше лимонный.

– Будет сделано. А маковые терлетки – это что-то вроде блинов с припёком, но только понежнее? – неуверенно спрашивает Пампуша.

– Нет, что ты, – морщит носик Трюфелька, – маковые терлетки – это, это... Терлетки с маком, вот.

– Ну, теперь всё ясно. Я возьму слоёное тесто, карамельный бисер, немного сливового джема, медовый мак и приготовлю то, что вы хотите.

Трюфелька на минутку задумывается:

– И знаешь, подай к ним густой черешневый сок.

– Прекрасная идея! – восклицает Пампуша.

– Ну, а на ужин, на ужин, дорогой мой, приготовь мне... Мне приготовь... Фаршированные роулы, – на ходу выдумывает Трюфелька очередное блюдо, и восторженно смотрит на Пампушу.

Пампуша задумывается.

– Полагаю, ваше величество, это трубочки из фруктовой пастилы, начинённые тёртым песочным печеньем. И хорошо бы добавить туда мелкие кусочки щербета и цукатов.

– Точно! – соглашается Трюфелька. – Я так и думала!

Трюфелька заканчивает давать распоряжения, и Пампуша возвращается на кухню. Там он вместе с поварами трёт, взбивает, печёт, мелет, режет до глубокой ночи, чтобы к завтрашнему дню были готовы и клубничные кирзеты, и воздушные гвоздики, и маковые терлетки, и, конечно, фаршированные роулы. Так день за днём.

Вот пришло время Трюфельке выходить замуж.

– Я выйду замуж за того, кто сделает мне самый необыкновенный сладкий подарок, – объявила принцесса.

Надо сказать, что Трюфелька считалась завидной невестой: у нее было богатое царство с обильными нивами, тучными стадами, бескрайними лесами. Многие принцы и королевичи, особенно из захудалых королевств, не прочь были жениться на ней. К тому же она была хороша собой. Правда, имелся у неё один недостаток: Трюфелька очень любила себя, считая принцессу Трюфельку невероятно симпатичной особой. Впрочем, такое нередко бывает у принцесс, стоит ли на это обращать внимание?

Как взволновались все принцы и королевичи, когда узнали о решении Трюфельки. Они стали искать самых лучших поваров в своих королевствах и за их пределами.

По соседству с государством Трюфельки, в небольшом княжестве, жил князь Александр Редкопир. Он давно был влюблён в принцессу, и теперь, чтобы получить её в жены, ему нужно было сделать для неё самый необыкновенный сладкий подарок. Он не стал искать лучших поваров в княжестве, а позвал своего мудрого советника, и тот дал ему бесценный совет:

– Подари ей такой сладкий подарок, от которого она не в силах будет отказаться и признает его самым лучшим.

– Я тоже об этом думал, – ответил князь Александр, – но что это за подарок?

Тут советник что-то шепнул на ухо князю, и лицо Александра просияло:

– Конечно! – радостно воскликнул он.

– Но для этого тебе нужен не только хороший пекарь, но и отличный художник.

– Я найду и того, и другого!

Князь тут же принялся за дело, и уже на следующий день в его дворец были доставлены лучший пекарь и первейший художник, которые принялись готовить сладкий подарок для Трюфельки.

Но и в других царствах, королевствах и княжествах принцы и королевичи не теряли времени даром и не сидели, сложа руки. Каждый старался приготовить что-нибудь необыкновенное и очень сладкое.

И вот наступил день, когда всем, желающим получить руку принцессы Трюфельки, было позволено поднести ей подарки.

Чего только не напридумывали принцы, царевичи, королевичи и князья со своими поварами. В огромный зал один за другим входили женихи, а за ними несли громадные торты из бисквита и мороженого, выпеченные корзины, наполненные пирожными в виде фруктов, огромные букеты цветов, изготовленных из пряников, мармелада, взбитых сливок и густого желе. И надо сказать, цветы выглядели как живые.

Трюфелька с интересом рассматривала дары и женихов, пробуя понемногу каждый подарок.

– Королевич Вильгельм Долгопуст! – громко объявил дворецкий.

В зал въехала большая шоколадная карета, запряжённая двойкой лошадей. Из кареты выпрыгнул длинный и тощий королевич Вильгельм.

– Прицесса! Вот мой сладкий подарок! – воскликнул он. – В этой карете всё съедобное и сладкое. Ну, кроме, разумеется, колёс. Сиденья сделаны из сладких сухариков с марципаном, двери – из сладких куличей, ручки – из засахаренной хурмы, а вся карета – из шоколада.

– Очень мило, – вежливо сказала Трюфелька и отщипнула кусочек хурмы. А сама подумала: «Шоколад не едят даже мои комнатные собачки». – Кто следующий?

– Принц де Голишом! – выкрикнул дворецкий.

В зал въехала повозка, на которой стояло чудесное кулинарное изделие: большой дворец, перед которым разлился пруд из виноградного сока. В пруду плавали лебеди из белоснежной меренги. Перед дворцом бил небольшой фонтанчик.

– Попробуйте, принцесса, воду из этого фонтана, – де Голишом зачерпнул маленьким серебряным ковшичком воду и с почтением протянул Трюфельке.

– Арбузный сироп, – угадала принцесса, отпив один глоток.

Стены дворца были выпечены из лёгкого слоёного теста, а вместо стёкол вставлены тонкие цветные леденцы. Из сливочного крема были сделаны колонны,

украшения и скульптуры. Крыша залита густым желе из малины. А над крышей возвышалась труба, сложенная из халвы.

– Всё это чудесно, – сказала принцесса Трюфелька, – но про такой дворец я уже читала в какой-то сказке. Кто следующий?

– Князь Ломбардский! – объявил дворецкий.

В зал внесли большую книгу. Надо же было такое придумать! Книга оказалась съедобной! Толстый переплёт был изготовлен из цветных вафель. И каждый лист книги мог порадовать любого сладкоежку. Один был тонким ароматным печеньем, другой – квадратным блином, третий сделан из фруктовой пастилы, четвертый – из медовой лепёшки. И на каждом листе сладкими черничными чернилами были написаны восторженные стихи, посвящённые принцессе Трюфельке.

Принцесса с удовольствием листала книгу, читала нежные стихи, отламывая кусочки от некоторых листов. Все женихи затаили дыхание. Казалось, что выбор сделан, и принцесса назовет своим избранником принца Ломбардского, подарившего ей необыкновенную сладкую книгу.

– Есть ли у нас ещё кто-нибудь? – спросила она дворецкого.

– Да, последний жених. Князь Александр Редкопир! – выкрикнул дворецкий.

Принцесса без всякого интереса посмотрела на парадную дверь и вдруг застыла от изумления: в дверях появилась ещё одна принцесса Трюфелька, только в виде... торта. Но какое правдоподобие! Она была как живая! Повар и художник потрудились на славу. Лицо и руки сладкой Трюфельки были сделаны из розового зефира и облиты тонким слоем полупрозрачной глазури. Мелкая стружка из чёрного шоколада пошла на реснички и брови. Два отполированных до блеска каштана были глазами Трюфельки, а губы – вишнёвые карамельки. Золотистые волосы выпечены из сладкого яичного теста. Нежную шею украшали бусы из резных орешков. А уж сколько сладостей пошло на роскошный наряд Трюфельки: белый шоколад – на платье, сладкая молочная пенка – на кружева, суфле – на воланы и бантики.

Трюфелька с восторгом рассматривала себя, не решаясь отломить от своего сладкого двойника даже крошечного кусочка.

– Разве может быть в мире что-нибудь слаще самой принцессы Трюфельки? – нежно произнес князь Александр, глядя в глаза своей возлюбленной. – Об этом я и хотел сказать вам своим подарком.

– Да, да, – ответила смущённо принцесса. Она оглядела зал. – Вот мой избранник! – громко объявила Трюфелька всем присутствующим, указав на Александра.

Мудрый советник не ошибся, посоветовав князю Александру сделать сладкое изделие в виде самой принцессы Трюфельки.

«Она не сможет устоять перед любовью к себе», – говорил он.

Хорошо, если в сердечке принцессы осталось место и для князя Александра Редкопира.

ЧУДЕСНЫЕ ПЛАТЬЯ

Ровно полгода осталось до совершеннолетия юной красавицы Амелии. Это значит, что ранней осенью она будет представлена самой царице Таврской. Всех дворянских детей, которым исполнялось шестнадцать лет, каждый год в одно и то же время привозили со всего царства ко двору государыни и представляли лично её высочеству. Такой порядок был заведён с давних пор. При дворе устраивался пышный праздник первого знакомства, который длился три дня. Его называли ещё праздником вишнёвого стола. Царица Таврская очень любила вишню, которая в это время в изобилии поспевала в её садах. К праздничному столу подавали вишнёвые соки, вина, на десерт повара готовили вишнёвое желе, пироги со свежей вишней и прочие лакомства из этой ягоды.

Так вот, роскошный праздник длился три дня. В первый день каждого вновь прибывшего утром представляли царице Таврской. В полдень следующего дня устраивался пышный обед, а на третий день вечером приём завершался великолепным балом.

Но чем ближе подходил праздник вишнёвого стола, тем грустнее становилась Амелия. Её жених, благородный кавалер Еремей, конечно, заметил: с его невестой что-то происходит.

- Что с тобой, дорогая моя Амелия? Ты грустнеешь день ото дня.
- Скоро праздник вишнёвого стола.
- Я помню. Но разве это грустно?
- Ты забыл, что к празднику нужно приготовить три новых платья. А у меня нет ни одного, в котором я могу быть представлена царице.

И правда, родители Амелии, хоть и принадлежали к дворянскому роду, но были очень бедны. Такое случается среди дворян. Какой-то их предок промотал всё богатство. И теперь они жили в старом обветшалом доме, едва сводя концы с концами. Амелии и её сестрам самим приходилось ходить на рынок, стряпать обеды. И даже, скажу вам по величайшему секрету, ставить заплатки на свои старенькие платьица.

– Подумали! Вот и додумались бы, что я хочу завтра надеть туфли сливового цвета.

– Такие туфли есть для прогулки по сливовой роще, если помните, она будет завтра, между тремя и четырьмя часами дня, – чуть не плача отвечала главная распорядительница нарядов. – А потом, когда вы пойдёте к чаю в голубую гостиную, вы наденете нежно-голубое шифоновое платье и голубые туфли. Вы будете ступать по ковру, и цвет ваших туфель сплетётся с узором голубого ковра. Это будет великолепно!

Царица Таврская милостиво кивнула.

– Ну а к завтрашнему ужину какое платье?

– О! К завтрашнему ужину мы приготовили вам сюрприз! – оживилась главная распорядительница нарядов. – На ужин подадут индейку, запеченную в горчичном соусе на саксонском сервизе «Золотой апельсин». Ах, какое мы сшили вам платье из китайского золотисто-оранжевого шелка в тон сервизу и индейке. Вот, посмотрите.

– Неплохо, – обронила царица. – Надеюсь, и вечернее платье не хуже.

– Конечно! Оно прекрасное! – главная распорядительница нарядов приободрилась. – Ваше вечернее платье мы назвали «летающая звезда». Несколько кусков легчайшей ткани мастерицы вырезали звездообразно. Вы наденете их один на другой. В ткань вплетены блестящие нити, они напоминают лучи звёзд.

Главная распорядительница нарядов развернула перед царицей Таврской дивное платье.

– Чудесно! Чудесно! – воскликнула царица.

Кажется, сегодня она осталась довольна. Распорядительница нарядов перевела дух. Но лишь на несколько мгновений. Потому что платья для царицы на следующую неделю ещё не были готовы, а ведь уже пятница. И так каждую неделю!

Придворные, ясное дело, не отставали от своей царицы. Только и разговоров было, что о кружевных перчатках, меховых манто, корсетах, благовониях, париках и румянах.

Вот почему папеньки и маменьки старались принарядить своих детей на праздник вишнёвого стола как можно богаче и наряднее, чтобы не ударить в грязь лицом перед царицей и её двором. Ведь если государыне понравится наряд, то она обратит внимание и на его владельца. Глядишь, и даст дитяте какое-нибудь доходное место при дворе.

Теперь можно вообразить, с каким нетерпением ждала Амелия возвращения своего жениха, кавалера Еремея, с платьями.

Тем временем в далеких, далеких землях Еремей отыскал несравненную мастерицу, ткачиху Златоручку. Она была так искусна, что могла соткать наряд из чего угодно: из облаков, цветочной пылицы, снежных хлопьев, тонких паутинок. Еремей отдал ей все свои сокровища и заказал три платья.

– Сделайте для моей прекрасной невесты Амелии такие платья, краше которых нет на всём белом свете! – попросил он Златоручку.

Долго ткала Златоручка наряды для Амелии, так долго, что Еремей мог и не вернуться к намеченному празднику. Он уже сидел верхом, готовый отправиться в обратный путь, когда Златоручка остановила ткацкий станок и сняла с него третье, последнее платье. Правда, она не успела доткать один рукав.

– Это не будет заметно, – успокоила Златоручка Еремея.

Она положила все три платья в маленький сундучок и отдала Еремею. Тот подхватил его, и вместе со своим оруженосцем они поскакали во весь опор на землю царицы Таврской.

Амелия день и ночь сидела у окна и не отводила глаз от дороги, по которой должен был вернуться Еремей. И вот, когда уже нужно было отправляться ко двору царицы Таврской, и когда Амелия уже потеряла всякую надежду на возвращение Еремея, она увидела на горизонте облачко пыли. Сердце её дрогнуло:

– Это Еремей! – воскликнула она.

Амелия не ошиблась. К её дому во весь дух мчались два всадника – Еремей и его оруженосец! И вот уже Еремей протягивает своей возлюбленной небольшой сундучок. Открыв его, она просто потеряла дар речи – так чудесны были платья Златоручки. Красавица разрыдалась и упала на грудь своего возлюбленного.

– Ах, Еремей, нет во всем свете никого прекраснее и благороднее тебя, – произнесла она, наконец, сквозь слёзы.

А Еремей был так счастлив видеть радостные, сияющие глаза своей возлюбленной невесты!

Но нельзя было медлить ни минуты. В тот же вечер Еремей, Амелия, её родители и сёстры отправились на праздник вишнёвого стола.

И вот наступила торжественная минута: в тронный зал одного за другим стали вводить молодых дворян и представлять царице. Они склонялись в глубоком поклоне, а царица милостиво кивала им. Конечно, и придворные, и царица придирчиво осматривали их наряды.

Настала очередь Амелии. Как только она переступила порог тронного зала – все придворные ахнули. Златоручка соткала ей для первого праздничного приема платье из чистой утренней росы. Чудесные бусинки обтекали стройную фигурку Амелии. Они то напоминали маленькие жемчужинки, матово переливаясь при каждом движении, то вспыхивали бриллиантами, когда на них падали лучи яркого света. Юная красавица в этом наряде выглядела неземным созданием. Вздых восхищения пронёсся по тронному залу. Толпа придворных подалась вперёд, чтобы получше разглядеть это чудесное платье. Даже избалованная нарядами царица Таврская была поражена.

– Подойди ко мне ближе, дитя моё, – обратилась государыня к Амелии.

Та, робея, приблизилась к трону.

– У тебя чудесное платье. Откуда оно у тебя?

– Мне подарил его мой жених, Еремей, – волнуясь, ответила Амелия.

– У твоего жениха прекрасный вкус, Амелия, – это сказал молодой царевич Георгий, сын царицы Таврской, наследник трона. Он с восхищением смотрел на юную красавицу.

Царица долго не отпускала Амелию, она попросила представить ей жениха Еремея, долго расспрашивала его о Златоручке, о нарядах, которые она ткёт. Вре- мя от времени царица бросала гневные взгляды на главную распорядительницу нарядов: у бедной дворянки платье оказалось во сто крат лучше, чем у самой царицы Таврской!

Можно было заметить, что и царевич Георгий не сводил восторженного взгляда с Амелии. Право, неловко, ведь рядом стоял её жених.

На следующий день, как вы помните, для юных дворян устраивался пышный обед. Всё утро только и разговоров было, что о необыкновенном платье пре- красной Амелии. Прошёл слух, что на дневном приёме она появится в ещё более чудесном наряде. Поэтому все с нетерпением ждали Амелию, чтобы хорошенько рассмотреть её новое платье, и не садились за столы.

Когда она появилась, в большом зале на несколько мгновений воцарилась тишина. Затем началось настоящее столпотворение, все старались придвинуться поближе, чтобы рассмотреть её платье, задние напирали на передних. Некоторые придворные дамы даже вскочили на стулья и скамейки, чтоб увидеть Амелию, так что распорядитель придворных церемоний вынужден был призвать их к порядку.

И было чем восхищаться! На дневной приём Златоручка соткала для Амелии платье из полуденных солнечных лучей. Такого никто никогда не видывал. Платье сияло и переливалось золотым светом, ниспадало солнечным потоком, струилось за юной красавицей сияющими волнами. Она шла по залу в этом золотом сиянии, и казалась ангелом, сошедшим с небес. Невозможно было отвести от неё глаз.

Царевич Георгий подошёл засвидетельствовать своё восхищение.

– Я вам завидую, дружище, – запросто сказал он Еремею, – не видел более прекрасной невесты, чем ваша. Позвольте, я усажу вас и вашу невесту поближе к себе, ведь ангелы, увы, редко спускаются с небес. А с вами она будет всегда.

Главный распорядитель церемоний подвел Амелию и Еремея к столу и поса- дил их напротив царевича Георгия, так что они могли говорить друг с другом. Царевич оказывал особые знаки внимания молодой паре. Он велел подать самое драгоценное вино, один глоток которого стоил целое состояние, угощал их пи- рожными из взбитых перепелиных яиц с вишнёвым желе.

Разве виноват царевич, что Амелия так прекрасна, и разве можно не смотреть на неё восхищённым взором? А Амелии казалось, что она попала в волшебный сказочный сон: роскошный царский дворец, восторженные взгляды придворных, пристальное внимание самого царевича. Голову кружило драгоценное вино, а чудесное сияющее платье из полуденных солнечных лучей сделало её первой красавицей Таврского царства.

И, наконец, наступил третий, последний день празднеств. Разговоры велись только о том, в каком же платье появится Амелия на этот раз.

– Нет! Лучше того, что мы уже видели, быть не может, – говорили одни.

– Но мы так думали и после первого дня. Однако, платье из полуденных сол- нечных лучей затмило первое платье, – замечали другие.

– Платье из утренней росы было не хуже, нет, не хуже.
– Не хуже, вы говорите? Да никакого сравнения! – так судачили придворные, ожидая вечерний бал.

И вот вечером в вишнёвом саду зажглись фонари, слуги расставили лёгкие плетёные стулья. На вишнёвых деревьях среди спелых вишен были развешаны яблоки, апельсины, сладости и всяческие безделушки. Музыканты заняли свои места.

– Идёт! Она идёт! – пронеслось по саду.
– Необыкновенно! Дивно! Сказочно! – раздавались со всех сторон восторженные возгласы.

На этот раз на Амелии было платье, сотканное Златоручкой из вечерней розовой зари. Вы помните, что Златоручка не успела его закончить – одно плечо красавицы было обнажено. Но зато мастерица вплела в ткань тонкие струи ветра. Платье легко оведало стан прекрасной Амелии чудным розовым облачком. И тонкие струйки розового света поднимались к её обнажённому плечу. Ткань трепетала и колыхалась сама собой – ведь в этот день не было ни малейшего дуновения ветерка! Весь двор был ошеломлён. Амелия вновь покорила всех своим нарядом.

Вальсы сменялись мазурками и польками. Амелия с Еремеем танцевали танец за танцем.

Все заметили ещё одно чудо: чем сильнее сгущались сумерки, тем ярче разгорался розовый цвет платья Амелии – как раз в тон вечерней зари.

– Ах, смотрите, смотрите, оно меняет цвет прямо на глазах!
– Вот это чудо! – Амелии не давали проходу, за ней неотступно следовала толпа восхищённых придворных.

А у юной красавицы в этот вечер было грустное настроение. «Это последний сказочный вечер, – с печалью думала она. – Завтра всё кончится, мы вернёмся в наш бедный обветшалый дом. Я буду вязать рукавицы и носки, донашивать старую одежду своих старших сестёр. Да, я выйду замуж за Еремея, но ведь он потратил всё, что у него было, на эти платья, и теперь так же беден, как и мы. Буду штопать ему куртки, ругаться с торговками на рынке за каждую копейку. Ах, как быстро несётся это счастливое время!»

Тут заиграла музыка, и к юной паре подошёл царевич Георгий.
– Разрешите, Еремей, похитить на один танец ваше сокровище?
Конечно, Еремей не мог отказать царевичу.
– Амелия, я просто потерял голову, – шепнул ей Георгий во время танца, – я влюбился в вас с первого взгляда. И что делать теперь несчастному царевичу?
– Я обручена, – опустив взор, ответила Амелия.
– Да, всем известно, что есть счастливчик, которому вы отдали свою руку, – грустно улыбнулся царевич. – Но неужели у меня нет никакой надежды?
– Вы, ваше величество, могли бы отдать любой приказ, – Амелия взглянула в глаза Георгию.

– Но я не могу отдать приказ, чтобы Еремей перестал быть вашим женихом – царицы так не поступают.

– Нет, конечно, но вы можете отдать приказ о том, чтобы вашего подданного послали... на войну. Кажется, в нашем царстве где-то идёт война? – спросила Амелия, легко кружась в танце. Чудесное платье из утренней розовой зари стало ещё более ярким.

– Да, на южных границах, – не сразу вспомнил царица Георгий.

– Простите, ваше высочество, на восточных, – уточнила Амелия.

– Ах, действительно, на восточных. Вы так хорошо знаете государственные дела! – восхитился царица.

– Спасибо, – скромно потупила взор Амелия. – И там, на войне, много опасностей и безвыходных положений? – продолжала она расспрашивать царица.

– Полагаю, да.

– Еремей очень любит опасные задания и трудные положения.

– Он всегда находит выход из трудных положений?

– Если выход есть. Но... ведь его можно закрыть.

– Как его закрыть? – царица был недогадлив.

– Как закрыть? Особым тайным письмом его высочества, – улыбнулась Амелия, приседая под звуки нежного менуэта. Её платье из вечерней розовой зари приобрело в этот миг красноватый оттенок.

– Так вы любите меня?! – горячо прошептал царица Георгий.

– Да, – тихо ответила красавица.

Когда она вернулась к Еремею, её платье горело кроваво-красным цветом.

Вскоре после праздника вишнёвого стола, кавалеру Еремею пришёл приказ его высочества, в котором говорилось, что Еремей должен отправиться на войну к восточным рубежам государства. Благородный Еремей попрощался со своей невестой, надел дорожный плащ, взял оружие и вместе со своим верным оруженосцем отправился на войну.

Сразу же вслед за Еремеем из дворца выехал чёрный всадник с тайным письмом его высочества. Стояла осень, выпал первый снег. Копыта звонко стучали по обледенелой дороге. Чёрный всадник в широком развивающемся плаще напоминал летящего ворона. Он долго был виден в заснеженном поле с городских башен. В это время над городом поплыл колокольный звон: в церквях зазвонили к утренней службе.

Очень скоро Амелии пришло сообщение о том, что её жених, благородный кавалер Еремей, убит на войне при выполнении опасного задания. Плакала ли она о своём женихе? Оставим этот вопрос без ответа.

Едва-едва закончились дни траура по Еремею, как Амелия была провозглашена невестой царица Георгия и доставлена во дворец. Начались приготовления к свадьбе. Царица Таврская и все придворные стали шить себе наряды к праздничным торжествам.

Накануне свадьбы в царский дворец доставили небольшой сундучок. Было сказано, что в этом сундучке подарок для царской невесты. Охрана не обнару-

жила ничего подозрительного, и его передали Амелии. Когда девушка открыла сундучок, то вскрикнула от радости: в нём лежало подвенечное платье невиданной красоты. Казалось, его соткали из нежнейшей облачной пряжи и накинули лёгкие золотые паутинки. Наверное, в ткань вплели серебристые струи дождей и обсыпали платье алмазным блеском капли – так оно сияло и переливалось.

Амелия не могла удержаться и тут же решила примерить свадебный наряд. Она надела его и подошла к зеркалу. И вдруг в один миг прекрасное подвенечное платье превратилось в грубую волосяную рубаху, а лёгкие золотые паутинки – в тяжёлые железные цепи. Амелия вскрикнула от ужаса. Она попыталась тут же снять с себя колючую рубаху. Но та будто прилипла к ней. Амелия призвала на помощь. Слуги пробовали снять ужасный наряд, но девушке при этом казалось, будто с неё сдирают кожу. Ни один мастер не смог разбить тяжёлые железные цепи, которыми было оковано тело Амелии. Всё это доставляло ужасные мучения: власяница колола и жгла её нежное тело, а железные вериги заставляли сгибаться под своей тяжестью чуть не до земли.

Когда же попытались дознаться, кто передал сундучок со злосчастливым платьем для царской невесты, слуги ничего толком не могли ответить. Одни говорили, что сундучок передал молодой юноша, похожий на оруженосца Еремея, другие уверяли, что это была женщина в золотых перчатках, а третьи, – что сундучок с дарственной надписью обнаружили возле царских ворот, и кто его передал – неизвестно.

Что ни говори, а наряд из волосяной рубахи и цепей не подходил для царской невесты. Амелию потихоньку отправили опять в дом её родителей.

Гремя цепями, вступила Амелия под своды родительского дома, который ещё совсем недавно покидала в ожидании счастья и богатства.

И теперь несчастная Амелия решила взглянуть на свои чудесные платья, которые подарил ей благородный Еремей. Она открыла сундук, в котором хранились наряды. Но вместо платья из утренней росы девушка увидела лужицу воды, от платья из полуденных солнечных лучей остался обожжённый ворот, а наряд, сотканный из вечерней розовой зари, превратился в капли крови.

Амелия очень быстро постарела, её красота увяла, лицо сморщилось и покрылось глубокими морщинами, волосы поседели. Её так никто и не взял замуж. До конца своих дней она носила ужасную волосяную рубаху и волочила тяжёлые железные цепи. Гремя ими, она бесцельно бродила по старому опустевшему дому.

– Чудесные платья, где мои чудесные платья? – без конца бормотала Амелия.

СКАЗКА ОСЕННЕГО ВЕТРА

– Ну и ветер! – матушка ловила развевающиеся полы пальто, хваталась за шляпу. Варюша, жмурясь, прятала лицо в воротник.

Темным осенним вечером они возвращались домой. Холодный ветер гнул и качал деревья, срывая с них последнюю листву, свистел и выл в проулках и дворах, то там, то здесь поднимал столбом опавшую листву. Порывистый ветер трепал Варюшин шарф. Один конец больно хлестнул её по лицу. Варюша вскрикнула.

– О-о-ой! Ну почему он так злится! Будто мы ему что-то плохое сделали!

– Ветер – это движение воздуха, – объяснила матушка, – ни злиться, ни радоваться он не может.

– А ты сама говорила «злой ветер», «ласковый ветер», я слышала, – напомнила Варюша матушке.

– Просто люди образно, ну, для красоты, что ли, говорят: «злой ветер», «ласковый ветер», «нежный ветерок» и так далее. На самом деле, конечно, ветры не могут злиться, быть нежными или ласковыми, любить. Они неодоушевлённые. Понятно?

– Понятно, – кивнула Варюша.

Вдруг она насторожилась:

– Ты слышала? – негромко спросила девочка.

– Что?

– Кто-то сказал: «Как вы не правы, сударыня».

– Это тебе показалось, – матушка оглянулась, – здесь нет никого, кто бы мог так сказать.

– Как вы не правы, сударыня, – эти слова ясно произнёс глухой, колеблющийся, будто уносимый ветром голос.

– В чём я не права? – матушка остановилась, недоумённо оглядываясь.

– Вы не правы в том, что ветры не могут чувствовать, любить. Я хотел бы развеять это мнение. Вам стоит только пригласить меня в гости, и я расскажу вам свою историю, – странный голос, смешанный со свистом и шипением, то наполнялся силой, то ослабевал.

– Матушка, это сам ветер с нами разговаривает! – догадалась Варюша. – Мы приглашаем вас, приходите к нам в гости на Почтовую, три! – прокричала она в тёмную, свистящую улицу.

– Спасибо вам, добрые сударыни! – глухо отозвалось в ответ.

– Та-а-к, значит, они не только любят и разговаривают, но и в гости ходят. Интересно, с чем они чай пьют? – усмехнулась матушка. – В таком шуме что

угодно может почудиться, – матушка быстро зашагала, сгибаясь под порывами ветра и волоча за собой Варюшу. – «Ветренная любовь», – хмыкнула она и поглубже надвинула шляпу.

– Ты не веришь, что это ветер с нами говорил? – Варюша почти бежала, едва поспевая за матушкой.

– Нет.

– Но почему? Мы с тобой слышали одни и те же слова.

– Обман чувств – это бывает. К тому же встречаются разные шутники, которые любят разыгрывать и пугать барышень в тёмных переулках.

Но скоро матушке пришлось убедиться в том, что иногда надо верить тому, что чудится в шуме осеннего ветра.

Дом встретил матушку и Варюшу густым теплом и вкусными запахами. Старенькая кухарка баба Мила напекла гору блинов, поставила на стол чайный сервиз.

– Ужин готов. Будете ли ждать хозяина?

– Да, подождём, – ответила матушка, стряхивая со шляпы жёлтый лист.

– Баба Мила всех помыла, перемыла, вымыла, – запела Варюша старую детскую дразнилку, вертясь вокруг кухарки.

– Вот я тебя намылю сейчас, шалунья – погрозила та кухонным полотенцем своей любимице.

– Баба Мила, а с нами на улице ветер разговаривал, осенний.

– Ветер разговаривал?

– Да! Ты не веришь?

– Ну и что он вам сказал?

– Я его пригласила в гости, и он сказал, что придёт.

– Ну, что ж, – улыбнулась кухарка, – пусть приходит, блины готовы.

Изразцовая печь весело гудела, разбрасывая вокруг себя жаркие блики. Ветер тихонько завывал в трубе, словно жалуясь на холод и ища приют.

Матушка взяла книгу и прилегла на диване. Варюша подбежала к печи и прижалась к её тёплому боку.

Тем временем ветер над домом стал гудеть всё сильнее и сильнее. Гул нарастал и скоро превратился в страшный вой. И вот уже за окном бушевал ураган. Ветер безжалостно рвал листву с деревьев, гнул их до самой земли. Дом затрясся.

– Что это!? Что!? – матушка вскочила с дивана.

– Батюшки! Ураган какой!! – кухарка заметалась по комнате. – Ровно светопреставление началось! Куды бежать?! Где спастись?!

Варюша бросилась к матушке. Казалось, крышу вот-вот сорвёт. В трубе раздался пронзительный свист ветра. Печь содрогнулась. И вдруг все стихло. В печи перестали потрескивать поленья, огонь потух.

И тут матушка, кухарка баба Мила и Варюша услышали доносящийся из печи негромкий глухой голос:

– Не бойтесь, добрые сударины, я не причиню вам вреда.

– Кто это? – с тревогой спросила матушка.

Все трое испуганно переглянулись. И вдруг Варюшу осенило:

– Да это же Осенний Ветер к нам в гости пришёл, – крикнула она и счастливо заулыбалась.

– Ты права, девочка, надеюсь, твоя матушка не будет возражать? – сказал глухой голос из печи.

Матушка растеряно покачала головой.

– Вы думаете, я злой? Не-е-т, осень – моя работа, – глухо звучал прерывающийся голос. – Вы думаете, ветры не любят? И это не так. Я тот ветер, который тяжело поплатился за свою любовь. Маленькая сударыня не побоялась пригласить меня. Спасибо ей, я прекрасно устроился в вашей печи. Тепло у вас, хорошо. Усаживайтесь и вы поудобнее, сударыни. Хочу вам рассказать свою историю, грустную историю Осеннего Ветра.

Варюша примостилась на лавочке у самой печки, боясь пропустить хоть слово. Матушка присела подальше, в кресло, настороженно поглядывая на потухшую печь. Старая кухарка, недовольно ворча, стала задёргивать шторы на окнах. Печь негромко загудела, и в её ровном гуле отчетливо слышался глухой голос Осеннего Ветра.

Давным-давно жил я в Самшитовых горах и был Тёплым Горным Ветерком. Я мечтал тогда стать могучим Ураганом или великим Штормом южных морей. Мог ли я подумать, что всю жизнь мне придётся мёрзнуть на равнинах и гонять в ваших краях тяжёлые мокрые тучи?

Есть у нас Повелитель Всех Ветров. В мерцании северного сияния, на самой верхушке мира стоит его трон. Он и направил меня в Самшитовые горы. Там я присматривал за погодой. Обогревал своим дыханием долины, разгонял тучи. У этих туч есть скверная привычка: столпятся где-нибудь над долиной и начнут её поливать день и ночь. Если их вовремя не разгонишь – зальют всю округу. Я был молодым, расторопным и подавал большие надежды. Наверное, стал бы я со временем Штормом южных морей.

В те дни, когда над долиной светило солнце и у меня не было работы, а значит, случались выходные, я любил улетать в ваши города и селения. Я был любопытен. Мне нравилось наблюдать вашу жизнь. Я заглядывал в окна, через которые по вечерам так заманчиво льётся тёплый золотистый свет, любил пролететь по вашим рынкам и базарам, пошелестеть цветастыми шёлковыми платками, пошуршать пёстрыми лубочными картинками, погудеть в горшки и крынки, понюхать пышную сдобу, потрепать кудри красоток.

Занятная у вас жизнь. Но знаете, сударыни, что я думал тогда о вас: слишком много страхов, желаний и волнений в вашей жизни, слишком часто вы плачете и смеётесь, гневаетесь и ругаетесь. Не так у нас. Когда я возвращался в долину, то любовался деревьями, травами и цветами, их молчаливой, величественной жизнью. Они мне казались совершеннее вас, особенно деревья. Они ничего не хотят и не вожделеют, принимают смиренно всё, что посылается им: и солнце, и дождь, и бурю, и стужу. Они не стонут, не кричат от боли, молча теряют листву и ветки, сохнут и умирают. Никто ничего не знает об их бедах и страданиях.

Особенно часто я прилетал на Соколиную гору. На её склоне росла молодая Сосна: высокая, стройная. Мне нравилось любоваться ровным золотистым стволом, безупречным порядком ветвей, длинными блестящими иглами. Я стал замечать, что меня каждый день тянет на Соколиную гору, мне хотелось быть с ней рядом, смотреть на неё, шелестеть в её чудесной кроне. День, когда я не видел моей красавицы, был для меня напрасным. Вы, наверное, уже догадались, сударыни, что я влюбился в неё.

Сударыня матушка посмеялась над «ветреной любовью», я бы и сам посмеялся над этим, расскажи мне кто-нибудь такое раньше. Приятели ветры не понимали, что со мной происходит, среди ветров подобного никогда не было. Любовь считалась вздорной человеческой причудой.

Я забыл про горные долины, которые должен был обогревать, забросил свои дела. Всё время я стал проводить на склоне Соколиной горы, возле моей возлюбленной. Я блаженно шелестел в её ветвях, оведал прохладой в жаркие дни, укутывал теплом холодными ночами. В своей любви я стал следовать вашим человеческим привычкам. Например, мне очень нравилось дарить ей подарки.

– Подарки? Какие? – не утерпела Варюша.

– О, разные. Частенько мы, ветры, срываем с голов то, что вы на них надеваете: панамы, шляпы, платки. Один раз я унёс шляпу какой-то иноземной принцессы. Длинная белая вуаль так подошла к изумрудной кроне моей возлюбленной. Я украшал её ветви браслетами, кольцами, пышными бантами. Но больше всего мне нравилось играть для неё на флейте.

Тут не удержалась матушка.

– Играть на флейте? – удивлённо спросила она. – Ветры могут играть на флейте?

– Возможно, я единственный ветер, который умеет это делать. Пастушок обронил неподалёку тростниковую флейту. Я научился играть на ней, да так, что птицы смолкали при её звуках. Сейчас я смог бы сыграть даже на вашей печной трубе. Хотите послушать, сударыни?

– А это не опасно? – встревожилась матушка. – Вы чуть не разнесли наш дом, когда залетали в трубу.

– Извините меня, сударыни, но у ветров нет другого способа ходить в гости. А игра на печной трубе совершенно не опасна. Вот, послушайте.

Печная труба закашляла и вдруг негромко начала выводить низким хрипловатым звуком мелодию. Звуки выплывали из печи, крепи, становились отчётливее, наполняясь то светлой печалью, то отчаянием, то надеждой. Мама, Варюша и кухарка баба Мила, как зачарованные, слушали необыкновенную мелодию печной трубы в исполнении Осеннего Ветра.

– Поразительно, это поразительно! – расчувствовалась матушка.

– Как красиво! – восхитилась Варюша.

А старенькая кухарка даже смахнула со щеки слезинку.

– Вам понравилось?! И моя возлюбленная могла часами слушать мои мелодии. Ну вот, сударыни, – вздохнул Осенний Ветер, возвращаясь к своему рассказу, – в

то счастливое для меня время я совсем забыл о долинах, которые должен был согревать своим дыханием, забыл и о дождевых тучах. Великие погодные беспорядки начались в Самшитовых горах. Цветущие долины затопило. Над ущельем Белой реки произошло невиданное скопление туч. Дождь лил там, не переставая, неделю. Конечно, я должен был разогнать их по разным ущельям. Но... В общем, река вышла из берегов. Началось ужасное наводнение.

Когда Повелитель Всех Ветров узнал о бедствиях в Самшитовых горах, он пришёл в неопишемую ярость. Повелитель приказал мне явиться к нему. Конечно, ему услужливо донесли о моих, как считалось, причудах.

– Ты поддался глупой человеческой слабости!– ревел он.– Никогда не станешь ты ни Штормом, ни Ураганом! Быть тебе унылым Осенним Ветром! Лети прочь с моих глаз! Вон! В холодные осенние равнины!

С тех пор я тяну по небу тяжёлые дождевые тучи, срываю с деревьев пожелтевшую листву, вожусь со скверной погодой и всё никак не могу привыкнуть к холоду. Здесь, в вашей печи, я впервые за много лет немного согрелся. Спасибо вам, добрые сударыни. Мне пора, нельзя нам, осенним ветрам долго заветриваться на одном месте.

– Подождите,– матушка поднялась с кресла,– а молодая Сосна, ваша возлюбленная, что с ней стало?

Из печи донесли тяжёлые вздохи:

– Она засохла, совсем засохла, сударыня. Повелитель запретил мне бывать в Самшитовых горах. Бедняжка очень тосковала, стала вянуть, желтеть. Брат мой, Лёгкий Летний Ветер, как мог, заботился о ней, но... – Печь тоскливо загудела. – Вы, люди, счастливее нас, вы знаете, что любовь – это самое дорогое, что есть на свете, а среди ветров я был чудачком, ленивым шалопаем, которого поделом наказали. Знаете, один раз она мне сказала, прошелестела своими иголочками, и я понял её: «Если не любовь, зачем зеленеть, пускать молодые побеги, тянуться к облакам?» Да, если не любовь, зачем дуть, шелестеть листвой, зачем рассветы и закаты, штормы и затишья, если нет любящих и любимых. Наш грустный мир оправдан любовью – это я понял, когда узнал её. Вот и всё. Заговорился я с вами, любезные сударыни. Пора мне проверять своё хозяйство, – в трубе нарастал гул и свист.

– Но ведь осень когда-нибудь кончается, наступает зима, потом весна! – крикнула Варюша вдогонку Осеннему Ветру.

– Когда осень кончается у вас, она начинается в другом месте. Всегда где-нибудь бывает осень, – эти слова были уже едва различимы в нарастающем шуме.

В трубе снова страшно загудело, засвистело и через несколько мгновений всё стихло.

С тех пор каждую осень печная труба дома номер три по улице Почтовой под дуновением Осеннего Ветра негромко наигрывает нежные, грустные мелодии.

МУШКА БЫСТРУШКА И КОЗЯВОЧКА РАЗЗЯВОЧКА

На одной зелёной лужайке жили комарики, мотыльки, букашки, червячки, жучки, паучки и прочий травяной народец. Среди них обитали мушка и козявочка. Мушка была шустра, быстра, долго не раздумывала, скоро дело делала. Лапки у неё так и мелькали, крылышки веером порхали, головка туда-сюда круть-верть. А козявочка была медлительна, задумчива сверх всякой меры. Крылышками взмахнёт, лапками шевельнёт и замрёт, притихнет, задумается.

Возьмётся мушка за какое-нибудь дело: и срок не кончится, у мушки – хлоп-топ – всё готово. А козявочка только-только раздумывать начнёт, что да как прикидывать. Звали мушку быструшкой, а козявочку – раззявочкой.

В самую тёплую ночь лета наступала пора каждой молодой козявочке и букашке, каждому жучку, паучку выбирать себе пару. Для этого они собирались на лугу. К ночному празднику все готовили себе красивые наряды: шили платья, мастерили шляпки и украшения.

Мушка-быструшка – ах, как скоро она соображала! – надёргала пуха одуванчика и смастерила себе из него воздушный белоснежный наряд.

А козявочка-раззявочка долго раздумывала да прикидывала, какое же платье сшить. Она насобирала старых крепких нитей паутины – теперь они были для неё не опасны – распутала их, выкрасила соком спелой земляники и принялась ткать полотно для платья. Она старательно выплетала в полотне узоры из лепестков васильков и тычинок лесных лилий. То и дело к ней залетали комарики, мотыльки и поторапливали:

– Что сидишь, мудришь? Торопись! Скоро все уже соберутся на смотрины. Останешься без жениха, раззявочка.

Когда начались гуляния на зелёном лугу, козявочка только-только закончила ткать полотно и начала шить платье. Когда платье было готово, она полетела на цветочную поляну, собрала там золотую пыльцу кашки и обсыпала ею своё

платье. Но ведь нужны ещё украшения и красивая шляпка. Козявочка села мастерить брошь из яичной скорлупки. А шляпу она решила сделать из скорлупки кедрового ореха.

Тем временем на лугу уже гремела музыка. Нарядные букашки и жучки слетались со всех сторон. Мушка-быструшка везде успевала, она порхала от одного кавалера к другому: то с одним потанцует, то другому голову вскружит. В белом воздушном платье из пуха одуванчика она имела необыкновенный успех. Сгустились сумерки, и среди мотыльков засиял удивительный зелёный огонёк – это прилетел на луг чудесный светлячок. Мушка-быструшка первая подскочила к светлячку:

– Ах, вы покорили меня своим блеском! – воскликнула она и пригласила его на танец.

Ну и кавалер ей достался! Золотисто-зелёный свет, идущий от него, очаровывал и завораживал. Глаз не отвести! Рядом со светлячком и мушка-быструшка тоже казалась прекрасным сияющим мотыльком. Она танцевала с ним без усталости, никому не уступая своего блистательного кавалера. А под утро, когда взошло солнце, светлячок погас.

– Да ты простая зелёная козявка! – вскрикнула мушка-быструшка. – В тебе нет ничего особенного.

Она тут же бросила светлячка и полетела искать себе другого жениха. Но кавалеры теперь не очень-то обращали на неё внимание. За ночь пух одуванчика с её платья облетел, и выглядела она неважно. И потом, она ведь всю ночь танцевала со светлячком, за это время всех кавалеров разобрали. Вернулась мушка-быструшка домой одна-одинёшенька.

А что же козявочка-раззявочка? Когда она уже под утро появилась на зелёном лугу в своём чудесном, затканном цветными узорами и обсыпанном золотистой пылью платье, там уже никого не было. Последние пары покидали луг. Только несчастный брошенный светлячок горевал у опустевшего оркестра. В оркестре остался один музыкант – зелёный кузнечик, который без усталости наигрывал на рояле свои любимые мелодии. Увидев прекрасную козявочку, светлячок робко протянул ей свою лапку:

– Осмеливаюсь пригласить вас на танец, – пролепетал он.

Козявочка смущённо приняла приглашение. Кузнечик ударил по клавишам всеми своими шестью лапками – и на опустевшей лужайке загремел вальс.

«Он хоть и невзрачный, но очень милый», – подумала козявочка.

А светлячку козявочка так понравилась, что он тут же предложил ей руку, то есть лапку, и сердце.

– Я должна подумать, – помедлив, сказала козявочка.

– Сколько вам нужно думать? – спросил светлячок.

– Об этом мне тоже надо подумать, – ответила она.

– Сегодня вечером вы могли бы дать мне ответ?

– Сегодня вечером? – задумалась козявочка. – Наверное, могла бы.

– Тогда я жду вас здесь ровно в десять вечера, – откланялся светлячок.

Вечером козявочка в своём нарядном платье прилетела на луг. И что же она увидела? Её кавалер, прежде невзрачный и незаметный, теперь сиял чудесным золотисто-зелёным светом.

«Какой он необыкновенный!» – воскликнула про себя козявочка. А светлячку сказала, что согласна стать его женой.

Хотя днём чудесное сияние светлячка исчезло, козявочка не сомневалась, что вечером оно обязательно появится. И была права.

КУСТАРНИК ДОБРОЙ ЕЛЕНЫ

Как-то вечером молодая барышня Мелания пошла гулять. Когда она проходила мимо небольшого садика, на неё вдруг повеяло необыкновенным ароматом. «Что за цветы так благоухают?» – подумала она. Мелания посмотрела в сад и невольно воскликнула:

– О! Какое чудо!

В саду рос прекрасный кустарник. Цветы легкими сияющими шарами обсыпали ветки. В сумерках они мерцали и переливались, как радужные фонарики. Поражённая Мелания не могла сдвинуться с места. Она стояла и любовалась необыкновенной красотой.

Тут в сад вышла женщина. Увидев, что Мелания неотрывно смотрит на куст, она подошла к ней и сказала:

– Меня зовут Елена. Вам нравятся эти цветы?

– О, да, они чудесные! – выдохнула в восторге Мелания.

– Хотите, я отрежу вам веточку, вы посадите её в своем саду.

– Как вы добры, буду вам очень благодарна! – обрадовалась Мелания. – В жизни я не видела цветов, прекраснее этих.

Добрая Елена отрезала небольшую ветку кустарника и подала его Мелании. Мелания была поражена её добротой.

– Вы так щедры! Не повредит ли такая жертва кустарнику?

– О, нет. Ведь чем больше веток от него отрезаешь, тем лучше и краше он становится.

Мелания сердечно поблагодарила Елену и тут же поспешила домой с чудесной цветущей веткой. Как только она поставила её в кувшинчик с водой, ветка тут же выпустила корни, и на следующее утро Мелания высадила её в своём саду. Ветка быстро прижилась, не потеряв ни одного листика, ни одного лепестка. Каждый вечер теперь Мелания выходила в сад и любовалась необыкновенными цветами. Ветка быстро разрасталась и скоро превратилась в небольшой куст, который цвёл, не переставая, до глубокой осени.

– Ах, что за чудо этот кустарник! – радовалась Мелания.

Теперь многие останавливались возле её садика, любуясь прекрасными цветами.

– Добрая девушка, не дадите ли веточку вашего чудесного кустика? Хотим посадить его в своём саду, – просили некоторые прохожие у Мелании.

– Он так мал, пусть подрастёт немного, и я с радостью дам вам отросточек.

Мелания так дорожила своим кустарником, что до времени никому не отрезала ни веточки. Но вдруг кустик стал болеть и чахнуть: все цветы облетели, листья пожухли, ветки стали сохнуть и ломаться. Как ни ухаживала за ним Мелания – удобряла, поливала, берегла от жары – куст в конце концов погиб. Мелания ждала, что он пустит новые побеги от корня, но этого не произошло. В один ветреный день сухой корешок вывернулся из земли.

Опечаленная Мелания решила вновь пойти к доброй Елене, чтобы попросить у неё ещё веточку чудесного растения. Она нашла дом Елены, но в саду уже не было того куста, от которого Елена дала ей отросток.

– Елена! Елена! – позвала Мелания.

На её зов вышел древний старик.

– Что ты хочешь, доченька?

– А где Елена? – спросила Мелания.

– Елена умерла, – склонил голову старик, – закатилось наше солнышко. – Старик горестно вздохнул.

– Умерла...- едва слышно произнесла Мелания. – А тот чудесный куст, который рос в этом саду?

– Куст по завещанию Елены выкопали и подарили одной славной женщине.

– Куда же?

– Не знаю, доченька. Она приехала за этим кустом и куда-то увезла его.

– А мой отросток этого куста, который когда-то дала мне добрая Елена, погиб.

– Погиб? – переспросил старик.

– Да, – вздохнула Мелания.

– А просил ли кто-нибудь отрезать веточку от твоего отростка?

– Просили, много раз, – кивнула Мелания.

– И ты не дала?

– Но ведь отросток был такой маленький...

– А разве не говорила тебе Елена, что этот чудесный куст таков, что чем больше от него отрезаешь веток для других, тем лучше он растёт?

Мелания чуть задумалась.

– Да, что-то такое она говорила... Я подумала, что это для большого куста, а если куст маленький, то его ещё нельзя обрезать.

– Как раз наоборот.

– Наоборот? – удивилась Мелания.

– Он потому и погиб. Ведь ты не дала отросток тем, кто просил и хотел привить это чудесное растение в своём саду. Елена могла бы сказать тебе, что если не отрезать веточки для каждого желающего, куст погибнет, но...

– Почему она не объяснила мне этого?! – воскликнула Мелания.

– Наверное, ей казалось, что это всем известно: если просят, надо дать.

– Но ведь неразумно обрезать маленькое и слабое растение.

Старик покачал головой:

– Доброта всегда неразумна и нерасчётлива.

Мелании нечего было сказать. Она попрощалась со стариком и пошла домой.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДЕРЕВЯННОЙ ЩЕПКИ

сестре Наташе

Обыкновенная деревянная щепка, которая появилась случайно, когда разрубали сосновые чурки, лежала в длинной поленнице под навесом. Каждый день она слышала поскрипывание снега и постукивание поленьев. Это хозяева приходили за дровами. Поскрипывание и постукивание с каждым утром становились всё ближе и ближе. И вот однажды щепку вместе с другими поленьями сгребли в охапку, занесли в дом и бросили возле печи.

— Так вот для чего нас каждый день уносят из-под навеса! Чтобы сжечь в этой чёрной печи! — испугалась щепка.

Наверное, так бы и случилось: неприметная деревяшка, она сторела бы жарким огнём в печке, оставив горстку пепла, если бы не мальчик, который подошёл к поленнице дров. Он и увидел щепку.

— Вот такая мне и нужна! — обрадовался мальчик.

Он взял острый нож и начал строгать щепку.

— Пришёл мой конец! — прощалась щепка с белым светом. — Сейчас он настрогает из меня лучинки, они вспыхнут и сгорят в один миг.

Но мальчик и не думал делать из щепки лучины. Он заострил её с одного конца, подточил с другого, просверлил в щепке дырку, вставил в неё оструганную палочку, к палочке прикрепил лист бумаги — и получился кораблик.

— Назову-ка я его... — мальчик подумал немного и вырезал концом ножа на палубе короткое слово: «Герой».

«Они настоящие волшебники, — с восхищением подумала щепка о людях, — была я обыкновенная деревянная щепка, а теперь — «Герой».

За огородами бежала маленькая звонкая речушка, вскрывшаяся ото льда. Туда и отправился мальчик со своим «Героем». Он опустил его на воду, и кораблик помчался по быстрым волнам речушки. Кораблик прыгал через пороги, крутился в водоворотах, окунался в пенные волны и стремительно взлетал на гребни.

– Так вот, что такое «Гер-ой», это когда быстро мчишься по воде и кричишь: «Ой! ой! ой!», – догадалась щепка. – А что такое «гер»? Что-то непонятное. Ну, неважно!

Щепка всё быстрее плыла вниз по реке, и мальчик стал отставать от своего кораблика.

– Стой! – кричал он. – Остановись!

– А как мне остановиться?! – кричала щепка в ответ.

Скоро мальчик совсем пропал из виду, а щепка всё плыла и плыла по реке.

– Оказывается, есть такая быстрота! – радовалась щепка, прыгая по волнам и врезаясь в белые пенистые барашки. – Мы, щепки, плывем даже быстрее тех, кто нас создал. Это мне нравится.

Вдруг щепка зацепилась за какой-то корень, закрутилась, запуталась в стеблях травы, свисавшей с берега, и остановилась.

Тут же её подхватили две пухлые маленькие ручки.

– «Ге-рой», – по складам прочитала девочка слово, вырезанное на палубе кораблика. – Геройски запутался в трех травинках, – хихикнула она.

– Кажется, она надо мной смеётся, – обиделась щепка.

– Нет, ты будешь не герой, а... – Девочка чуть задумалась. – А Марионелла! – решила она

– Марионелла? Что же это такое? – размышляла щепка. – Может, это?.. Нет. Наверное, тогда это?.. Нет-нет. Может?.. Тоже не может.

Ничего похожего на Марионеллу в жизни щепки не было.

Девочка принесла кораблик-щепку домой, положила на стол. Рядом заблестел острый нож.

– Опять меня будут резать! – испугалась щепка. – Так от героя ничего не останется!

Не обращая внимания на протесты щепки, девочка вынула мечту, залепила воском дырочку, взяла нож и начала строгать. Один конец щепки округлился – у нее появилась голова, потом шея, потом талия. Девочка крепко привязала мечту крест-накрест ниже шеи – получились руки. Потом она взяла карандаш, краски, кисточки и нарисовала чудесное личико.

– Улыбочку, – сказала девочка и старательно подняла вверх кисточкой уголки губ на лице щепки, – вот так. – Она довольно осмотрела свою работу. – Красивая получилась, настоящая Марионелла! Но это ещё не всё.

Новая хозяйка распустила варезку и из пряжи сделала для деревянной щепки, превратившейся теперь в Марионеллу, длинные кудрявые волосы. Волосы, то есть пряжу, можно было заплетать в косы, укладывать, завязывать в хвостики, что девочка тут же и принялась делать

– Ах, Марионелла! Я совсем забыла! – вдруг воскликнула она. – Ведь у вас нет ни одного платья.

Новая хозяйка деревянной щепки тут же достала цветные лоскутки, обрезки ткани, куски лент и кружев для нарядов Марионеллы. Три дня она мастерила платья из тафты и шёлка, юбки из бархата и капрона, манто из кусочка овечьей

шерсти, вязаные шапочки и шали, батистовые ночные сорочки с кружевами, накидки, муфты, шляпки – всё, что необходимо юной щеголихе и моднице. Поздно вечером третьего дня новая хозяйка нарядила Марионеллу в костюм из тафты, украшенный бисером, окутала её газовым шарфом – и в таком виде Марионелла предстала перед игрушками.

– Это прекрасная Марионелла, она теперь будет моей любимой куклой, – сказала им девочка и поставила наряженную щепочку на полку с игрушками, а сама пошла спать.

– Они и вправду могущественные волшебники! – с восхищением подумала деревянная щепочка о людях, – была я кораблем «Героем», а теперь – прекрасная Марионелла!

В комнате стемнело, и вдруг Марионелла услышала, как кто-то рядом прошелестел:

– Милое личико.

Марионелла огляделась. Рядом с ней на полке стояло много самых необычных и удивительных кукол. Здесь были куклы из бутылок, наряженные в бумажные платья и шляпки, сучки дерева, напоминающие человеческие фигурки, все увешанные лесным мхом, куклы из пластилина, глины, соломы.

– Очень милое личико, – это как раз сказала кукла из соломы, у которой вместо глаз были приклеены две медные пуговицы, а вместо рта – кусок красного атласа.

– И волосы у неё мягкие, – поддержала её глиняная кукла. У глиняной куклы вместо волос на голове торчали короткие прутики.

– А по мне так пугало огородное! – насмешливо сказала тряпичная кукла. Глаза, нос и рот у тряпичной куклы были вышиты шёлковыми нитками, золотистые кудри сделаны из распущенного капронового чулка. Она была очень даже симпатичной, но почему-то злилась на Марионеллу. – Пугало так и делают, как эту нашу Марионеллу: из двух палок, – злобно рассмеялась тряпичная кукла.

После этих слов деревянная щепочка ощутила странное чувство, которое прежде ей было незнакомо. Это была обида. «Почему она набросилась на меня, ведь я ей ничего не сделала и ничего дурного про неё не сказала», – с горечью подумала деревянная щепочка, или Марионелла.

Вообще-то тряпичная кукла была очень рассержена на Марионеллу. Ещё бы! Ведь совсем недавно она была любимой куклой маленькой хозяйки. Она получала новые наряды и украшения, с ней разыгрывались представления для всех остальных игрушек, которые с обожанием смотрели на златокудрую красотку. И вот теперь новая любимица. Как только она появилась, хозяйка ни разу не взяла в руки тряпичную куклу, и та просто кипела от злости.

– Тебе бы пошла старая дырявая шляпа и выцветший халат из сатина. Вороны этого очень боятся! – продолжала она насмехаться над деревянной щепочкой.

Марионелла почувствовала, как повлажнели её глаза.

«Кажется, деревянной щепочке хочется заплакать», – поняла она. Или это Марионелла страдает в её деревянном тельце?

Вдруг из-за соломенной куклы выскочил маленький всадник на зелёной лошади с красной гривой. Хотя его лошадь была не выше мышонка, а вместо пики в его руках поблёскивала обыкновенная игла, выглядел он отважным и решительным. Всадник нацелил свою пику-иглу на тряпичную куклу и крикнул тоненьким голосом:

– Не смейте обижать прекрасную Марионеллу! А не то проколю так, что из вас посыплется манная крупа, которой набита ваша глупая, злая голова!

Суцная правда! Внутри у тряпичной куклы, действительно, была манная крупа. Этот неприятный для неё секрет раскрылся – и игрушки стали весело переглядываться и посмеиваться над тряпичной куклой.

– Ты ещё пожалеешь-ш-шь об этом, – тихо прошипела тряпичная кукла и сверкнула своими чёрными шёлковыми глазами.

Но Марионелла уже не боялась её – рядом был такой славный защитник.

– Благодарю вас, отважный всадник, – воскликнула Марионелла.

– Я всегда защищаю тех, кого обижают, – гордо произнес маленький всадник.

– Расскажите мне, как вы сюда попали, – попросила его Марионелла, – я вижу здесь много кукол и только одного всадника.

– С удовольствием, – ответил тот. – Но я хотел бы предложить вам прогулку по этой полке. Мы могли бы побеседовать и познакомиться с её обитателями.

– Отчего не погулять, – весело ответила Марионелла.

Всадник и Марионелла неспешно отправились по краю деревянной полки. Глиняные копыта зелёной лошади глухо постукивали по дереву. Маленькому всаднику приходилось высоко поднимать голову, чтобы увидеть лицо Марионеллы.

– Меня закинул сюда брат вашей хозяйки, – начал свой рассказ всадник.

– Закинул брат? – удивилась Марионелла.

– Да. Это маленький прожорливый толстячок, который вечно что-то жуёт, оставляя повсюду огрызки яблок, недоеденные бутерброды, чашки с недопитым молоком и тарелки с остатками пирожных. Ваша хозяйка запретила ему играть своими куклами, потому что после его игр ей приходилось пришивать оторванные руки, приклеивать головы и косы, чинить платья. Тогда несносный шалун начал тайком от своей сестры вести войну против её кукол. Он швырял в них обломками старых игрушек, забрасывал их своими солдатиками. Позавчера он швырнул меня на полку с игрушками. Я угодил как раз в соломенную куклу. Это меня и спасло.

– Спасло? От чего? – не поняла Марионелла.

– Ну, я же ведь сделан из глины. Если бы я не плюхнулся прямо на мягкую соломенную куклу, то разбился бы вдребезги. Хорошо ещё, что сумел удержаться в руках свою пику. Без неё я не смог бы защитить вас от этой завистницы.

– Вы думаете, что тряпичная кукла завидует мне? – спросила Марионелла.

– Конечно! Как только вы появились у нас, она начала ворчать: «Сколько можно делать этих кукол, их уже некуда ставить, жди теперь, что только с этой деревяшкой и будет играть наша хозяйка». Так и вышло.

– А тряпичная кукла, она откуда появилась?

– Её тоже сделала наша хозяйка. Она сделала всех кукол, которые стоят на полке. Даже меня.

– И вас тоже?

– Ну да. Когда-то она слепила меня и мою лошадку из глины, раскрасила нас, вручила мне иголку вместо пики и подарила своему младшему брату.

– Мне кажется, что она могущественная волшебница, – негромко произнесла Марионелла

– Похоже на то, – охотно согласился с ней зелёный всадник. – Вон, видите, бутылка из-под лимонного ликёра с узким длинным горлышком в платье из золотой фольги?

– Да.

– Это мадам Бутыльон. Она глава целого семейства Бутыльонов. Рядом – бутылка из-под шампанского – это папаша Бутыльон в плаще из бумаги для ёлочных игрушек. А вокруг полдюжины Бутыльончиков – маленькие бутылочки разных размеров из-под соусов, сиропов, – их дети. И у каждого неплохой наряд. Все они – дело рук вашей хозяйки.

– Здравствуйте, уважаемые Бутыльоны, – вежливо поздоровалась Марионелла с бутылочным семейством.

– Здравствуй! Здравствуй! Доброй ночи, дорогая Марионелла! – зазвенело семейство.

– А вот, смотрите, забавная куколка из маленьких цветных клубочков пряжи. Её так и зовут: мадам Клубочек.

– Как поживаете, мадам Клубочек? – приветливо обратилась Марионелла к кукле, похожей на цветного снеговичка.

– Хорошо, спасибо тебе, дитя моё, – ласково ответила мадам Клубочек.

– Ой! А это кто? – Марионелла увидела необыкновенное создание с длинными золотистыми волосами, всё укутанное в светло-зелёные листья. Из листьев выглядывало хорошенькое личико.

– Это госпожа Кукуруза.

– Кукуруза? – не поняла Марионелла.

– Ну да, ваша хозяйка нашла на кукурузном поле большой початок кукурузы с длинными золотистыми волосами, пририсовала ему лицо.

– Как мне?

– Да. И получилась кукурузная кукла. Я слышал, что хозяйка обещала госпоже Кукурузе на том же поле найти жениха Кукуруза, а потом и деток кукурузят.

– А мне хозяйка не обещала найти жениха? – застенчиво спросила деревянная щепка.

Зелёный всадник смутился. Ему очень понравилась деревянная щепочка Марионелла и он не прочь был бы стать её женихом.

– Ничего такого я не слышал, – пробормотал он. – А какого вы хотели бы жениха?

– Красивого, смелого, благородного, – с воодушевлением произнесла Марионелла.

«Так это же я!» – чуть не вырвалось у маленького зелёного всадника. Он с обожанием взглянул на Марионеллу со своей лошадки.

– И чтобы он был тоже из дерева, как и я.

– Почему тоже из дерева? – упавшим голосом спросил всадник.

– Чтоб мы были похожими, – пояснила Марионелла.

Всадник грустно склонил голову. «Какая разница, из чего ты сделан, любовь делает нас всех похожими», – подумал он.

Теперь они проходили мимо семейства кукол из пластилина. Вокруг пластилиновых папы и мамы стояло полтора десятка пластилиновых деток, мал-мала меньше. Самый младший пластилиновый детёныш был ростом с подсолнечное семечко.

– Ах, какая крошка! – восхитилась Марионелла. – Смотрите-ка, наша хозяйка умудрилась даже сделать ему игрушку, это... – Марионелла присмотрелась. – Это лошадка! Да, да! В точности, как ваша. Просто чудо!

– Марионелла, нам пора возвращаться на прежнее место, – напомнил зелёный всадник, – скоро начнётся день, на полке с игрушками всё должно быть так, как перед закатом солнца.

– Как не хочется возвращаться опять к злобной тряпичной кукле...

– Ничего не поделаешь. Над нами воля человеческая.

Зелёный всадник и прекрасная Марионелла повернули обратно и медленно двинулись вдоль края полки туда, где сидела тряпичная кукла.

– Все куклы, сделанные нашей хозяйкой так милы, и вы такой добрый, – сердце маленького всадника затрепетало, – почему же, – продолжала Марионелла, – тряпичная кукла так отличается от всех, хотя с виду очень красивая? Почему она злая и завистливая, будто сделана вовсе не руками нашей замечательной хозяйки?

Всадник задумался.

– Наверное, потому, что ваша хозяйка так добра, что позволяет вам быть самими собой, разными: добрыми и злыми, весёлыми и молчаливыми, как кому хочется, – ответил он.

«Какой он умный! – с восхищением подумала Марионелла. – Жаль, что очень маленький».

Только всадник и Марионелла добрались до своих мест, как к деревянной щепочке протянулись руки маленькой хозяйки, и она забрала её с полки.

Теперь целыми днями хозяйка играла с Марионеллой. Она шила ей новые платья, мастерила нарядные сумочки из кусочков сафьяна, кроила простыни и одеяльца и даже сделала мебель из цветного пластилина.

Как-то в полдень она отправилась с ней на прогулку.

– Смотри, какой чудесный сад! – воскликнула маленькая хозяйка и посадила Марионеллу в середину цветущей клумбы.

Деревянная щепочка очутилась в сказочном лесу. Над ней нависли огромные белоснежные хризантемы, похожие на причудливые облака, горели алые геор-

гины. Мимо прополз полосатый жучок, с любопытством оглядывая незнакомку. Рядом жирная пёстрая гусеница с аппетитом хрумкала листьями. Зелёные стебли и листья выстилали на земле узор из света и тени. Благоухали розы. «Какой необыкновенный, волшебный мир! — с восхищением думала Марионелла. — Я бы хотела жить здесь всегда! Со своей хозяйкой и зелёным всадником». Но хозяйке больше нравилось жить в доме, она лишь иногда приносила Марионеллу на цветущую клумбу.

Однажды поздним вечером, когда Марионелла вновь оказалась на полке с куклами, она увидела, что её с нетерпением ждёт зелёный всадник, который, судя по всему, решился сказать ей что-то очень важное.

— Прекрасная Марионелла! — начал он.

Но что именно хотел сказать ей всадник, Марионелла уже не услышала. В тот же миг к ней метнулась тряпичная кукла и со всей силы толкнула её. Марионелла соскользнула с полки и полетела вниз, в черную пустоту.

— Я с вами! — воскликнул всадник и отважно бросился за ней.

Марионелла услышала громкий стук и упала во что-то липкое и холодное. Когда она пришла в себя и осмотрелась, то поняла, что лежит в глубокой тарелке. Эту тарелку оставил на полу брат хозяйки. На этот раз он не доел мясную подливку. В неё и упала с полки Марионелла. С трудом она выбралась из тарелки. Вид у деревянной щепочки был самый жалкий. Нарядное платье пропиталось жирным соусом, краска на лице кое-где подтекла, с длинных волос стекали капли подливки.

Присмотревшись, Марионелла увидела на полу кусочки зелёной глины, рядом с ними поблескивала стальная иголка.

— Ведь это мой чудесный друг, зелёный всадник! — с ужасом поняла Марионелла. — Он бросился за мной с полки и разбился! Ах, несчастье!

Марионелла стояла над сухими кусочками безжизненной глины. Она не чувствовала боли, когда её строгали и даже когда мальчик сверлил в ней дырку для мачты, но сейчас ей было очень больно, и щепочка понимала, почему — она потеряла друга. «Наша хозяйка такая волшебница, она сумеет склеить, сшить или починить его снова, — с надеждой думала Марионелла. — Но что же теперь делать мне?» Марионелла посмотрела вверх:

— Нет, до полки с игрушками мне никак не добраться, — поняла она. — К тому же там эта мерзкая тряпичная кукла.

Бедная Марионелла не знала, куда ей деться. Вокруг было темно, слышались какие-то непонятные пугающие стуки и шорохи. Дрожа от страха, она побрела туда, где, как ей казалось, было светлее. За ней ниточкой тянулся след от жирного мясного соуса. Она кое-как примостилась возле ножки стола и постаралась побороть страх. «Ведь я же была «герой», — уговаривала себя деревянная щепочка.

Но что это там шуршит и шуршит в углу? Это юркая серая мышка вылезла из маленькой дырочки в полу и прошмыгнула к полке. Она быстро задвигала своим острым носиком.

– Пахнет чем-то вкусным! – обрадовалась она. – Вот это да! Настоящий мясной соус!

Мышка с аппетитом вылизала остатки мясной подливки, потом обежала вокруг пустой тарелки и заметила на полу тоненькую струйку, которая тянулась под стол. Мышка, слизывая соус, шла по следу прямо к Марионелле. Деревянная щепочка в страхе прижалась к ножке стола.

– О! Да тут ещё и косточка! – в восторге пискнула мышка. – Какая удача!

Она схватила Марионеллу и потащила её в свою норку.

В тёмной норе на деревянную щепочку набросились пятеро маленьких мышат. Они разодрали её платье, перегрызли длинные волосы.

– Фи! Это не косточка! – сказал самый старший мышонок, выплёвывая обрывки шерстяной пряжи. – Это обыкновенная деревяшка!

– Правда, она вся в мясной подливке, – сказал другой, с удовольствием облизывая деревянную щепку.

Мышата быстро слизали вместе с мясным бульоном краску с лица Марионеллы, оставив цветные разводы, отгрызли ей руки, и она снова стала обыкновенной деревянной щепкой.

– Хм, неплохая щепка, – сказал папа-мышь, – сделаю-ка из неё такую штуку для мышат, которую я видел у этих безшёрстных верзил.

«Какую же штуку собираются из меня делать на этот раз, и кто такие «безшёрстные верзилы»?» – подумала деревянная щепка.

Папаша-мышь связал оставшиеся обрывки пряжи, сложил их в две петли, прикрепил к потолку, а в петли вставил концы деревянной щепки.

– Ну вот, качайтесь, мышата, – сказал довольный папаша.

Мышата с писком бросились на качели. «Так вот, значит, какую штуку сделал из меня папаша-мышь – качели. Я сама не раз качалась в саду со своей хозяйкой. А безшёрстные верзилы – это, наверное, люди», – думала щепка. Ей стало обидно за людей.

– Сами вы мелкие волосатики! – крикнула она мышатам, раскачиваясь то вверх, то вниз на шерстяных нитях.

Но мышата нисколько не обиделись, а, может быть, просто не услышали деревянную щепку.

Для деревянной щепки потянулись однообразные дни, вернее ночи. Ведь в норке всегда было темно и ничего не менялось. Бесконечно она качалась вверх-вниз, вверх-вниз, слышала гомон и писк мышат, топочущих по ней, и вспоминала те чудесные времена, когда была прекрасной Марионеллой.

Щепка не могла сказать, сколько времени провела в норке. Мышат становилось всё больше, и мамаша-мышь стала ворчать, что стало очень тесно, что пора делать ремонт и выбросить, наконец, из норы всё лишнее. И, конечно, деревянную щепку.

У деревянной щепки появилась надежда, что она снова вернётся в дом к своей хозяйке и станет прекрасной Марионеллой. Но папаша-мышь выбросил её через

другой ход, и она оказалась под высоким крыльцом, по которому когда-то маленькая хозяйка занесла её в дом.

Здесь было не так темно, как в норе. Через щели проникал свет. А когда мыли крыльцо – лилась вода. Деревянная щепка отсырела и покрылась плесенью. Когда по крыльцу поднимались или спускались обитатели дома, половицы тихонько скрипели. «Сколько раз уже, наверное, по этому крыльцу прошла моя дорогая хозяйка, – с грустью думала щепка. – Она даже и не подозревает, что я лежу здесь давным-давно». Иногда под крыльцо забегали цыплята поискать чего-нибудь вкусенького. Они начинали клевать щепку своими острыми клювиками.

Дни сменялись ночами, лето – осенью, зима – весной. Щепке казалось, что прошла вечность, и что прекрасная Марионелла была не в её, а в чьей-то другой, чудесной жизни.

Однажды в щель между досками провалилась медная пуговица. Щепке эта пуговица показалась знакомой.

– Где-то я её видела, – подумала она и вдруг вспомнила! – Это же та самая медная пуговица, которая с другой такой же была глазами соломенной куклы! Да, да! Соломенная кукла, которая стояла на полке нашей хозяйки!

Деревянная щепка страшно разволновалась.

– Скажите, сударыня пуговица, ведь это вы были глазами соломенной куклы? – спросила деревянная щепка.

– Да, а откуда вы знаете? – удивилась пуговица.

– Видите ли, я была знакома с соломенной куклой.

– Знакома с соломенной куклой? – с сомнением спросила медная пуговица, глядя на грязную и заплесневевшую деревянную щепку.

– Да, да, я – Марионелла.

– Марионелла?! – изумилась пуговица. – Бедняжка! Что с вами случилось, прекрасная Марионелла?! Наша хозяйка вас так долго искала!

Марионелла рассказала пуговице свою грустную историю о том, как её столкнула с полки тряпичная кукла, как вслед за ней бросился зелёный всадник и разбился, как она попала в мышиную нору и была там качелями, а теперь вот уже много-много дней лежит под крыльцом.

– Несчастливая Марионелла, – пожалела пуговица деревянную щепку, – сколько вам пришлось пережить. Вы не можете представить себе, как давно это было. Там, в доме нашей маленькой хозяйки теперь всё сильно изменилось.

– Что же изменилось?

– Наша хозяйка выросла и уехала. Теперь полки с куклами нет. Некоторых кукол она перед отъездом раздарила, других поломал и разорвал её младший брат.

– И соломенную куклу?

– Да, – грустно ответила пуговица, – поэтому я и попала сюда.

– А тряпичная кукла? – с затаенной неприязнью спросила деревянная щепка.

– Она вся износилась, истрепалась. У неё оторвались волосы, выцвели глаза и губы, и мама нашей маленькой хозяйки бросила её в печь.

– Скажите, а маленький зелёный всадник... Его склеили?

– Конечно, наша хозяйка очень добра, она склеила его, но этот разбойник вновь разбил его вдребезги.

Деревянная щепка грустно вздохнула.

– Как хорошо, что вы попали сюда, дорогая пуговица, теперь будет с кем обмолвиться словечком.

Только деревянная щепка успела произнести эти слова, как под крыльцо протиснулся щенок. Он уставился круглыми глазами на щепку. Чем-то она ему очень понравилась. Наверное, тем, что пахла мышами и мясной подливкой. Щенок схватил деревянную щепку и помчался с ней прочь. Он выбежал со двора, проскочил мимо сада и устроился на лужайке. Можно не сомневаться: щенок в один миг разгрыз бы деревянную щепку, так что от неё остались бы только мелкие кусочки дерева. Но тут на лужайке появилась рыжая кошка с белым хвостом. И щенок, бросив щепку, с громким лаем кинулся догонять кошку.

А в это время на полянку пришли Миша и Маша.

– Смотри, какая интересная вещь, – сказал Миша, поднимая деревянную щепку. – Это какой-то старинный деревянный предмет. Видишь, на нём что-то написано на древнем языке, – Миша внимательно рассматривал щепку. – I E I O, – попытался он прочитать. – Этот язык ещё не разгадан, – заключил он.

– А дырка для чего? – спросила Маша.

– В древности все ценные вещи носили на поясе, для этого и дырка, – пояснил Миша. – К тому же на этом предмете следы раскраски: видишь, на закруглении.

– А почему этот конец закруглён? – не унималась Маша.

– Тебе надо бы знать, что круг – это символ солнца, – с укоризной взглянув на Машу, ответил Миша. – Хм, очень интересно, очень интересно. Древний магический предмет. Редкая вещь, – веско сказал Миша. – Возьму её в свою коллекцию.

Так деревянная щепка оказалась в большой картонной коробке Миши рядом с другими редкостями. В коробке были ещё клык медведя, «куриный бог», кусочек слюды, маленький камень, упавший с неба, – метеорит, игла дикобраза, обломок древней стрелы и множество других диковинок.

«Я – редкая вещь, – с гордостью думала о себе деревянная щепка. – А разве это не так? Какая ещё щепка может похвастаться тем, что была кораблём «Героем», куклой Марионеллой, качелями для мышат да ещё и украшением коллекции?»

Наверное, она права.

ПЕСЧИНКА

Маленькая песчинка жила в большом камне. Камень лежал на вершине могучей высокой горы.

Летом палила жара, хлестал дождь, пронесился горячий ветер, зимой свистела вьюга. А камень лежал себе на одном месте. Над ним бушевали грозы, гремел гром, били огневые молнии. Но он оставался таким, каким был всегда. Его не мог поколебать даже злой ураган. И песчинка в камне, хоть и была совсем-совсем маленькой, оставалась на своём месте, целой и невредимой.

В ясную погоду она видела поднимающиеся из еловых лесов гранитные скалы, окутанные дымкой горные хребты, сияющие в синем небе ослепительно-белоснежные вершины. В безветрие ей слышны были шорохи трав, звон маленьких мушек, которые изредка долетали сюда, шелест тумана, клубящегося на перевале. А когда начиналась непогода, она любовалась необыкновенным видом: на горизонте громоздились свинцовые тучи, блистали зарницы, солнечный свет схватывался с тьмой.

И всё шло хорошо. Но иногда песчинка стала думать о том, что ведь есть же другие места, где можно было бы побывать, а она крепко-накрепко сцеплена с этим большим камнем и своей воли у неё нет. Потом песчинка стала даже злиться на камень, что он держит её в себе так крепко.

— Ну, это же просто какое-то насилие! — негодовала песчинка. — Ах, если бы я была свободна, то побывала бы везде, где только захочу! А так сиди сиднем на одном месте день за днём, день за днём. Тяжко здесь жить!

И такое нетерпение охватило песчинку, что она только и мечтала о том, чтобы избавиться от власти камня и стать свободной.

Прошло много, много лет. И вот время, жара и стужа сделали свою работу: камень потрескался и стал рассыпаться. А может, всё дело в самих песчинках, которые рвались прочь? Как бы то ни было, в какой-то один миг наша песчинка, как и множество других, отделилась от камня и стала свободна.

— Наконец-то! — радовалась песчинка. — Вольная воля! Что сейчас будет!

Тёплый ветер подхватил песчинку, и она полетела над еловыми лесами, синими реками, звонкими ручьями и блистающими водопадами.

— Вот она какая, свобода, сладкая и прекрасная! — восторгалась песчинка. — Я лечу, куда хочу.

Но, в общем, это было не совсем так, а по правде сказать, и вовсе не так: песчинка летела только туда, куда несли её ветры: вверх, вниз, на север, восток, юг и запад. Только южный ветер занесёт её в степь, не успеет она там оглядеться и обжиться, как северный ветер тащит её в глухую тайгу. Песчинку носило туда-сюда вместе с сухими листьями, мелкими снежинками, мусором и пылью. Нигде не было у неё пристанища и дома.

Но как-то раз сильный западный ветер задул её в маленькую трещинку на земле, где она надолго застряла.

— А что, здесь тоже интересно, — решила песчинка, — всё новое, необычное. Где-то наверху журчит ручеёк, шелестит трава. Правда, ничего не видно. Ну, я и так всего насмотрелась.

Шло время. Песчинка уже давным-давно недвижно лежала в тёмной трещинке. Ей это порядком надоело.

— Почему я больше не летаю? — удивлялась песчинка, — Где же моя свобода?

Неизвестно, сколько бы пришлось пролежать там песчинке, но однажды под вечер пошёл сильный дождь. Струи воды потекли по земле, закрутились в трещине, подхватили песчинку, смешали её с чёрным потоком, вынесли к болоту, и там она застряла в комке земли между кочками.

На следующий день солнце высушило землю, а песчинка так и осталась в чёрной слипшейся грязи на болоте.

И даже если бы кто-то захотел вызволить песчинку, то не нашёл бы её, ведь она стала такой же чёрной, как грязь.

Что сказать на это? Своей волей не живёшь, и по чужой — счастья не найдёшь.

ПЯТЬ СЕСТЁР

Вы знаете, о чём болтали в пятницу 29 числа все торговки на базаре? Нет? А вот послушайте:

- Пять близнецов?! – изумлялась торговка зеленью.
- Да, и все девочки, – кивала головой торговка горячими булочками, – пять крошечных сестричек, подумать только! Даже наша столетняя Эмма такого не припомнит.
- Эта новость долетела, представьте, до царского дворца, – вступила в разговор молочница.
- Откуда ты знаешь?
- Сегодня утром к белокаменному резному домику, где живут Анна и Захарий, и где у них родились близняшки, подъехала царская карета, и из неё вынесли... – Молочница со значением оглядела своих товарок, сгоравших от любопытства. – ...Большой свёрток.
- О! Большой свёрток?
- Да!
- И что в нём было?
- Что там могло быть?! – галдели нетерпеливые торговки.
- А вот что: пять крошечных пуховых перинок, одеял и подушечек, а к ним белоснежные простынки с царскими вензелями, – торжественно произнесла молочница.
- Откуда ты всё знаешь? – с досадой спросила торговка горячими булочками.
- Как откуда? Я каждое утро ношу молоко в дом Захария и Анны.
- Ах, наша Анна! – воскликнула торговка зеленью. – Есть ли в городе кто-нибудь добрее неё? В прошлую субботу я подвернула ногу возле её дома. Так она выбежала ко мне сама, хотя ей было очень нелегко накануне родов, помогла мне встать, велела служанке отвести меня к доктору и дала денег на лекарство.
- Душа её прекрасна, как цветок, – закивала головой торговка горячими булочками.

– Наверное, поэтому Анна так любит цветы, – вступила в разговор цветочница Пелагея. – Весь наш город засадила цветами.

Эта была чистая правда. Анна со своими слугами сажала цветы по всему городу: в скверах, на площадях и улицах, просто потому, что она любила цветы, свой город и горожан. Бывало, целый день хлопочет она с помощницами где-нибудь на площади Трёх соборов: землю удобряет, рассаду поливает, а через три-четыре недели распускаются прекрасные азалии, гloxинии и крокусы.

– Недаром со всей округи съезжаются в наш город полюбоваться на цветники Анны, – с гордостью сказала торговка зеленью. – Ещё бы! Эти клумбы с пышными гортензиями, благоухающими алыми розами, стройными флоксами и нежными анютиными глазками...

– Ходят слухи, – Пелагея склонилась к своим товаркам и зашептала: – ...Что Анна обладает тайной силой. Вы подумайте: нет ни одного семечка, посаженного Анной, которое бы не взошло и не распустилось пышным цветом! А как быстро растут у неё цветы? Вы заметили? У других только-только вылезут из земли росточки петунии – а у неё уже вся клумба благоухает.

– Видно, цветы чувствуют того, кто их любит, – ласково сказала торговка зеленью.

– А вы бы видели её дом и сад! – воскликнула молочница. – Всё в цветах – ступить негде.

Да, сад Анны с весны до осени восхищал горожан. Только отцветали нарциссы и тюльпаны, как тут же вспыхивали пионы, за ними лилии, люпины, потом гвоздики и мальвы. До глубокой осени, как фонарики, в саду Анны горели необыкновенные алые георгины и сияли белые хризантемы.

– И знаете, что придумали цветочницы?! – с жаром принялась рассказывать Пелагея. – Сегодня утром каждая принесла роженице, нашей Аннушке, по корзине цветов.

– Да-да, уж я-то видела, что творится в их доме, – покачала головой молочница, – цветы стоят даже в чайниках и чайных чашках. Мне некуда было налить молоко. Пришлось оставить там свой бидон.

– А Захарий прямо перед домом приказал накрыть длинные столы и угощать всех, кто только пожелает. Я отнесла туда утром три корзины горячих булочек, – сказала торговка булочками.

– Счастливый у них сегодня денёк, – улыбнулась торговка зеленью.

И правда, не было, наверное, на свете никого счастливее Анны и Захария в день, когда у них родилось пять дочерей-близнецов.

Но горе часто норовит наведаться в дом к тому, кто счастлив. Так уж бывает. Вот и замаячило оно вскоре у нарядного белокаменного домика Анны и Захария. Отправился как-то Захарий на охоту. В глухом лесу пришлось ему вступить в схватку с двумя медведями. Силён Захарий, но медведи одолели охотника. Когда слуги привезли его домой бездыханным, бедная Анна не помнила себя от горя. Она оставляла своих пятерых малюток, уходила в лес искать Захария. Ей казалось, что там он бродит живой и невредимый. И только верная служанка Анны, Елиза-

вета, вернула свою госпожу к жизни. Она повсюду следовала за ней, подносила госпоже её плачущих малюток и просила позаботиться о них. Мудрая Елизавета знала, что только любовь к дочерям поможет Анне. И правда, со временем Анна все дни стала проводить со своими дочерьми, и смертельная сердечная рана начала заживать.

Девочки были похожи друг на друга как пять капель воды или пять лепестков лютика, так что даже мать не могла отличить их друг от друга. Хотя они появились на свет в один день, та, которая родилась первой, считалась старшей, вторая, третья и четвёртая – средними, а последняя – младшей. Сёстры росли ласковыми, добрыми и послушными, кроме...

Тут придётся сказать о том, что всегда огорчало Анну. Увы, её младшая дочь. Она, конечно, была внешне похожа на своих четырёх сестёр, как одно зёрнышко мака на другое, но отличалась от них своим нравом. Как бы это сказать... Была она непослушной и строптивой. В играх часто обижала сестёр, дёргала за косички, щипала, отбирала игрушки, прятала их любимых кукол. Вы скажете: чего не бывает в детских играх, стоит ли на это обращать внимание? Так думала и Анна, пока с младшей дочерью не стали происходить неприятные истории.

Каждый год 29 мая в доме у Анны устраивался большой праздник – день рождения пяти малышей! С раннего утра все хлопотали на кухне, готовили угощение и сладости для гостей.

В один из таких дней Елизавета украшала в столовой огромный торт. В комнату забежала младшая дочь Анны.

– Это мне торт? – спросила она.

– Это для всех, крошка, – ответила Елизавета, – ведь у тебя ещё четыре сестры и много гостей в зале.

– Нет! Это мне, только для меня торт, – разрыдалась малышка.

– Ну ладно, это для тебя торт, а ты его подаришь всем, хорошо? – решила успокоить малышку Елизавета.

– Да! Только я сама его внесу в зал, – согласилась младшая дочь.

Но получилось так, что, когда она после игр вбежала в зал, дети уже сидели за столом и угощались кусочками торта. Самолюбивая девочка побледнела от негодования.

– Это мой торт! Как вы смели притронуться к нему?! Я вас всех брошу в море! Отдам собакам, они съедят вас! Выгоню вас! – девочка расходилась не на шутку.

Дети притихли. Тут вошла Анна.

– Что случилось? Кто здесь ругает моих милых детей? – спросила она.

– Матушка, они не помолились перед едой, – скромно потупив взор, произнесла младшая дочь.

Дети, развеселившись и разыгравшись, действительно не помолились перед едой.

Анна стала журить нетерпеливых сладкоежек, а младшая дочь начала усердно молиться и, как ни в чем не бывало, уселась с ними за стол.

Елизавета была поражена этим поступком и решила рассказать обо всём Анне. Конечно, Анна очень расстроилась и долго беседовала с младшей дочерью в своем кабинете. Когда матушка вышла из кабинета, обманщица презрительно посмотрела на Елизавету и сказала:

— А я скажу матушке, что ты, когда печёшь пирожки, берёшь их со сковороды грязными руками.

Вечером Елизавета нашла на полу своей комнаты разрезанный на мелкие кусочки любимый платок, который ей подарила Анна. Она поняла, кто это сделал, но не сказала никому не слова.

Однажды младшая дочь, ни у кого не спросив разрешения, ушла из дома и отправилась гулять по городу. Она прошлась по улицам, забрела на рыночную площадь и заглянула в лавку сладостей. Чего в ней только не было! Шоколадные человечки, прозрачные цветные леденцы, цукаты, засахаренные орешки. У всякого сладкоежки слюнки потекут. Девочке тоже захотелось сладостей, да побольше, но денег у неё не было. Анна хоть и любила без памяти своих крошек, но не считала нужным баловать их всякими излишествами. И вот что придумала маленькая плутовка. Она назвалась именем старшей сестры и сказала торговцу сладостями:

— Матушка послала меня за леденцами и сладкими орешками. Она пришлёт вам деньги завтра.

Всякий в городе был рад исполнить просьбу всеми любимой Анны. Торговец дал младшей дочери леденцы и орешки.

— О деньгах пусть мама не беспокоится, отдаст, когда сможет, — сказал на прощание торговец.

Хитрая обманщица набила рот и карманы сладостями и довольная пошла домой.

В следующий раз она отправилась в булочную. Там на полках красовались фигурные пряники, слоёные булочки, воздушные торты. Младшая дочь Анны назвалась теперь именем второй сестры:

— Матушка послала меня за пряниками и слоёными пирожными, — сказала она булочнику, — а деньги она пришлёт вам завтра.

— Пусть твоя матушка не беспокоится о деньгах, отдаст, когда сможет, — ответил добрый булочник, укладывая в коробку пряники и пирожные. — Кому-кому, а уж твоей матушке я готов услужить.

Плутовка наелась пирожных и пряников и довольная вернулась домой.

В третий раз она пошла в лавку игрушек, назвалась именем третьей сестры и сказала:

— Мы с сёстрами завтра идём на день рождения к подружке, матушка попросила меня купить подарки, а деньги она вам завтра пришлёт.

Продавец положил в корзину самые красивые игрушки, украсил корзину лентами и цветами и вручил её девочке:

— Какая взрослая, самостоятельная девочка, — похвалил её продавец, — буду рад, если этот подарок понравится твоей матушке.

– Очень понравится, – заверила продавца маленькая обманщица и убежала домой.

Так она стала ходить по лавкам и магазинам, называться именами своих четырёх сестёр и братья, якобы по просьбе матушки, всё, что ей нравилось: шляпки, ленты, брошки, конфеты, пирожные, пята, оловянных солдатиков, баночки с ароматными мазями. Она никогда не заходила в одну и ту же лавку второй раз, а так как в городе их было много, негодница всякий раз обводила вокруг пальца какого-нибудь нового торговца. Все свои покупки и обнови она прятала в дальнем уголке сада или в амбарчике, неподалёку от дома.

Вы понимаете, конечно, что рано или поздно этому должен был прийти конец. Так и случилось.

Елизавета следила за тем, чтобы девочки всегда ходили в чистых платьицах и башмачках. Она стала замечать, что некоторые платьица, отданные в стирку, были перепачканы шоколадом, взбитыми сливками, кремом в те дни, когда к столу ничего сладкого не подавали. На юбочках красовались пятна от варенья и сахарного сиропа, когда на десерт подавали оладьи со сметаной. Сёстры ходили в одинаковой одежде. Чьё же платье было перепачкано кремом и шоколадом? Елизавета недоумевала. Она даже ходила на кухню и спрашивала, не готовит ли что-нибудь сладкое главный повар или поварята по просьбе одной из дочерей Анны.

– Нет, – ответили повар и поварята, – мы выполняем только указания нашей госпожи Анны.

Тогда Елизавета решилась рассказать обо всём. Анну это тоже озадачило. Она отправила Елизавету в город узнать, не брали ли её девочки что-нибудь в долг у торговцев сладостями.

Так и было. Во многих лавках торговцы говорили Елизавете, что приходили дочери Анны и брали в долг сладости. Они называли имена четырёх девочек, которые приходили в лавки. Среди них не было только имени младшей дочери.

– Это не очень-то славно, – с горечью сказала Анна, – мои дочери ходят по кондитерским лавкам и без моего разрешения набивают себе карманы сладостями.

– Лавочники утверждают, что девочки ссылались на твою просьбу, – сказала Елизавета.

– Да ещё и врут! – в слезах воскликнула Анна. – Проверь и другие лавки, – попросила она Елизавету.

Елизавета обошла всех торговцев и принесла Анне очень неутешительные новости: во многих городских лавочках за Анной числился долг, который оставили её дочери.

Анна не знала, что и думать. Она расплатилась за все своевольные покупки дочерей, попросила прощения у доверчивых торговцев за задержку долга.

Потом она позвала пятерых дочерей к себе и спросила:

– Кто из вас брал у торговцев сладости, игрушки и всё другое в долг, ссылаясь на мою просьбу?

– Не я, – сказала старшая.

- Не я, – повторила вторая дочь.
- Не я, – ответила третья дочь.
- Не я, – подтвердила четвёртая дочь.
- Не я, – сказала и пятая, младшая.
- Но я знаю, что это сделала одна из вас, – настаивала Анна.

Четыре дочери стали плакать и уверять матушку, что они никогда этого не делали. И только младшая была спокойной и довольной.

– Матушка, разве торговцы не помнят, кто это? – услужливо спросила она Анну.

- Ты ведь знаешь, что вы похожи друг на друга, как две капли воды.
- А разве они не называли имена? – спросила плутовка.
- Называли.
- Какие?

– Они называли все имена, кроме твоего, – ответила Анна, глядя в глаза дочери.

- Вот видите – это не я! – весело крикнула младшая дочь.

Четыре дочери безутешно плакали. А младшая уговаривала их во всём сознаться, и тогда матушка их простит.

- Правда, матушка? – спросила она у Анны.

Анне стало ясно, что это сделала именно младшая дочь.

«Как? – изумлялась Анна, глядя на неё. – Ей нисколько не стыдно, в глазах нет ни тени раскаяния. Ей совсем не жаль своих плачущих сестёр. Она уверена, что никто не раскроет её обман».

Анна отправила дочерей в детские комнаты. В горьких раздумьях она провела всю ночь.

А утром матушка пошла в сад и сорвала там пять цветков: лилию, розу, мальву, фиалку и ромашку. Потом она позвала своих дочерей и попросила их:

- Пусть каждая из вас выберет себе цветок по сердцу.

Первой стала выбирать старшая. Она выбрала белую лилию. Матушка приколола лилию к её платью и сказала:

– Теперь имя тебе будет Лилия. Никогда не снимай этот цветок со своей одежды. По нему я и все другие будем узнавать тебя.

Вторая дочь выбрала розу. Анна приколола розу к её платью и нарекла девочку Розой:

– Теперь, – сказала она, – я всегда отличу тебя по этому цветку от остальных сестёр.

Третья дочь выбрала мальву.

– Отныне, – сказала Анна, – ты будешь именоваться Мальвой, и тебя будут узнавать по цветку мальвы.

Четвёртая дочь выбрала фиалку. Матушка приколола фиалку к её платью:

– Ты выбрала себе чудесное имя – Фиалка. А для тебя, – обратилась мать к младшей дочери, – остался мой самый любимый цветок – ромашка.

– Ромашка! Фи, какой противный цветок! – злобно воскликнула младшая дочь. – Носить ромашку, да ещё и называться Ромашкой. Нет ничего смешнее! Ха-ха-ха! Уж лучше носить колючку!

Она выскочила за ограду сада, сорвала на обочине дороги колючку и приколола себе на грудь. В тот же миг острый шип колючки проткнул нежную кожу и вошёл в самое сердце. Её пронзила сильная боль, но она не показала виду – упрямец не хотела чувствовать себя наказанной за непослушание. Девчонка вернулась к матери и сёстрам с колючкой на платье.

– Ваши цветы скоро увянут, – насмешливо сказала она, – а моя колючка – никогда.

Матушка стала уговаривать младшую дочь снять колючку.

– Мы пойдём с тобой в сад, ты выберешь себе цветок, который тебе понравится, и я приколю его к твоему платью.

– Нет уж, сестрицы оставили мне самый плохой цветок, – упрямылась младшая дочь, – я теперь никакой не возьму, буду носить колючку. Моя колючка никогда не увянет.

Но всё оказалось не так, как говорила младшая дочь. Да, её колючка, действительно, не увяла, потому что была сухой и безжизненной. Но и сорванные рукой Анны и приколотые к платьям дочерей цветы стали чудесными. Они не увядали, благоухая день за днём и сияя свежестью так, будто только что срезаны с клумбы. Какой бы наряд ни надевали дочери Анны, они всегда прикалывали к нему неувядающие матушкины цветы.

И вот что ещё было удивительно: каждый цветок Анны одаривал дочерей своей особенной прелестью. Лилия росла чистой и беспорочной, Роза – обворожительной и чарующей, Мальва была прямая и бесхитростная, Фиалка – нежная и скромная. И хотя дочери были по-прежнему неотличимы, Анна теперь легко узнавала их не только по цветам на платьях, но и по взглядам: чистому – у Лилии, чарующему – у Розы, бесхитростному – у Мальвы и нежному – у Фиалки.

Ну, а у младшей дочери всегда на груди красовалась колючка. Как ни уговаривали её Анна и сёстры снять колючку, упрямец ни за что не соглашалась. К ней так и прилипло имя – Колючка.

Добрая Анна сильно скорбела о своей младшей дочери. Она замечала со страхом, что сухая острая колючка, которую дочь не снимала со своего платья, делала её характер год от года всё более скверным и несносным, а взгляд – холодным, колючим и жёстким. Причиной тому была ещё и заноза, которая вошла в сердце дочери, когда она впервые приколола колючку к своему платью. Эта заноза изъязвила сердце, лишила его доброты и сострадания.

Колючка превратилась в настоящую злоку. Она нашла себе служанку, такую же скверную и злобную, как она сама. Эту служанку в городе прозвали Репейница, лучше прозвища для неё нельзя было придумать. Репейница каждого задевала грубым словом, ко всякому встречному цеплялась с какой-нибудь насмешкой.

Когда Колючка и Репейница выходили в город, все старались обходить их стороной. Они вместе высмеивали каждого встречного.

– Посмотри только на эту толстуху, – усмехалась Колючка, видя молочницу Федосью с соседней улицы.

– Корова позавидовала бы ей, – подхватывала Репейница.

– А это что за утка ковыляет? – громко смеялась Колючка над старой немощной бабушкой Евдокией.

– Того и гляди – закрикает, – подхихикивала Репейница.

Ни одному нищему она не подала копейки, ни одному ребёнку не улыбнулась, слова ласкового не сказала близким. Никто не мог припомнить какое-нибудь доброе дело, которое сделала бы Колючка. Нет-нет, было одно дело, которое Колючка с гордостью называла добрым. Хотите узнать?

Один раз Колючка пошла гулять в новых красных туфлях, которые сильно натёрли ей ноги. Она с трудом доковыляла домой, злобно ругая всех сапожников и торговцев обувью. Дома она надела другие туфли, а новые в ярости выбросила в окно:

– Пропадите пропадом навсегда! – крикнула она им вдогонку.

А в это время мимо их дома шла босая нищенка. И вдруг прямо к её ногам упали новенькие красные туфельки. К тому же нищенке послышалось, что Колючка крикнула: «Попадите туда», то есть к ней.

– Попали, попали, – радостно закивала нищенка.

Новенькие туфли оказались ей впору.

– Ах, какая добрая госпожа, отдала бедной женщине совсем новые туфельки, да такие красивые, – нищенка долго кланялась Колючке и довольная зашагала прочь

– Пусть твои ступни будут в два раза длиннее моих, – фыркнула Колючка.

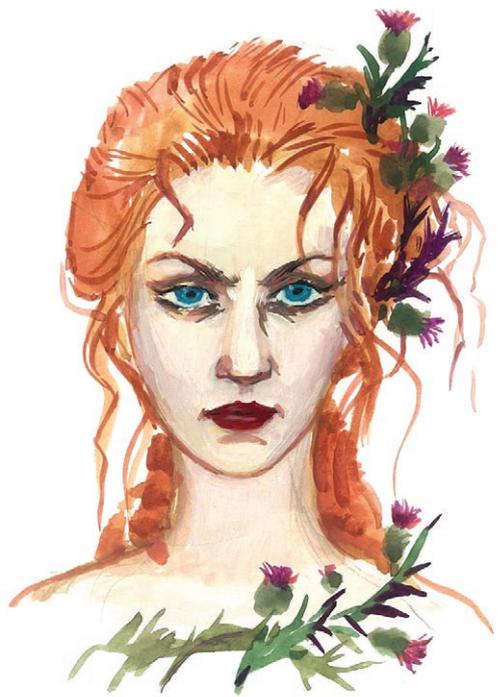
В доме Колючка никому не давала житья, ссорилась с сёстрами, ни во что не ставила их просьбы и укоризны, ругала слуг и даже грубила матушке Анне. Бедная Анна потеряла покой и сон из-за своей младшей дочери. И хотя старшие дочери ничем не огорчали матушку, были послушны и добры, Анне приходилось чаще горевать о дурном характере Колючки, чем радоваться достоинствам старших дочерей. Как только матушка ни увещевала Колючку, как ни умоляла её исправиться, Колючка была бесчувственна к её слезам и уговорам. Если бы можно было собрать все слёзы Анны, которые она пролила из-за своей младшей дочери, на Колючку пролился бы обильный горячий дождь и вымочил её до нитки.

– Ах, Елизавета, не знаю, что мне делать с моей младшей дочерью, – призналась однажды Анна своей верной служанке, – я не в силах исправить её дурной нрав. Теперь мне только и остаётся, что проливать слёзы о ней. Кажется, это такое никчёмное дело.

– Слёзы матери не падают напрасно, госпожа Анна, я это твёрдо знаю. Господь каждую слезинку считает и впрок собирает, – ответила мудрая Елизавета.

Вот такие дела творились в уютном, утопающем в цветах домике Анны.

К шестнадцати годам сёстры превратились в неопикуемых красавиц. Слава об их красоте докатилась до царского дворца. Сам царевич захотел увидеть пятерых девушек-близнецов.

Однажды утром к белокаменному домику Анны подъехала карета с царскими вензелями. Из неё вышел громадного роста почтальон со свитком, перевязанным золотыми тесёмками и запечатанным царскими печатями.

– Госпоже Анне! – громко крикнул почтальон.

Когда Анна развернула свиток и прочла его, то вскрикнула от радости: она и все её дочери приглашались во дворец на бал.

Ах, какие сборы начались в доме Анны! Матушка и вся прислуга сбились с ног, пока готовили наряды для пятерых дочерей. Больше всех хлопот доставила, конечно, Колючка. Она требовала себе роскошное платье, дорогие меха, драгоценные украшения. И боялась, что сёстрам достанется что-то лучше и наряднее, чем ей. Но её опасения были напрасны. Сёстры прекрасно знали, что лучшим украшением юной девушки является скромность и доброта.

Поэтому Лилия довольствовалась простым белым платьем, а волосы повязала скромной атласной лентой. Розе сшили платье из нежно-розового шёлка с пояском, украшенным гранатовой пряжкой. Мальва надела светло-зелёное платье и украсила тонкие запястья нефритовыми браслетами. Фиалка выбрала голубое платье, а к нему нитку морского жемчуга. И, конечно же, платья четырёх сестёр были украшены чудесными неувядающими матушкиными цветами.

А Колючка, желая превзойти всех сестёр, украсила своё красное платье кружевами, бантами, драгоценными камнями и мехом. Но даже на приём в царский дворец она не пожелала снять свою колючку, лишь только прикрыла её кружевной накидкой.

Когда пять сестёр предстали перед двором, стало ясно, что они и есть первые красавицы царства, с ними некому было сравниться. Молодой царевич Симеон был поражён их красотой. Хотя он побывал в разных заморских странах и видывал многих, но лучше пятерых сестёр-близнецов не встречал. Царевич тут же решил, что возьмёт себе в жёны одну из сестёр. Но какую? Девушки были неотлично похожи друг на друга.

Тогда царевич Симеон сделал так, как всегда поступал в трудном положении: он обратился за советом к своей мудрой матушке:

– Скажи мне, дорогая матушка, как выбрать лучшую из этих пятерых красавиц-близнецов?

– Не думаешь ли ты жениться на одной из них? – спросила царица-мать.

– Никто не нравился мне больше, чем эти девушки. Но не могу же я жениться на пятерых сразу.

– Да, к счастью, ты не султан. И нам не надо будет тратить пуд золота на пять корон. Бедные султаны, какие у них расходы! Я им не завидую. Нам проще. Выбери из пятерых одну, самую достойную.

– Да-да! Но как?

– Пригласи каждую из них на танец и задай им один и тот же вопрос.

– Какой же? – сгорал от нетерпения царевич.

– Спроси у каждой, какая из четырёх её сестёр самая лучшая. Пусть они сами тебе скажут то, о чём ты хочешь узнать. А их ответы передай мне.

Царевич поспешил воспользоваться советом матушки. Он дал знак музыкантам, и под сводами зеркального зала грянула музыка.

Первой на танец царевич пригласил... Кого бы вы думали? Колючку. Конечно, она выделялась своим дорогим роскошным нарядом.

— Какая из ваших четырёх сестёр самая лучшая? — спросил царевич Колючку, ведя её за руку под медленные звуки менуэта.

— Они одинаковы, как четыре горошины в стручке, — ответила Колючка. — Хотя одна горошина может быть больше, а другая меньше, их вкус от этого не меняется.

Когда танец закончился, царевич подошёл к матери и передал ей слова девушки.

— Она так и сказала: «четыре горошины в стручке»? — переспросила царица.

— Да.

— Она совсем не любит своих сестёр и очень высокого мнения о себе, — царица покачала головой. — Сердце её холодно и надменно. Она не годится тебе в жёны. Что ж, у нас есть ещё четыре невесты.

На второй танец царевич пригласил Розу. Во время вальса он задал ей тот же вопрос, что и Колючке:

— Какая из ваших четырёх сестёр лучше всех?

Роза улыбнулась:

— Я отвечу вам, царевич, на ваш вопрос, если вы скажете мне, какой у вас глаз лучше, левый или правый, а худший вслед за этим прикажете немедленно вырвать.

Когда царевич передал эти слова Розы своей матушке, она рассмеялась и сказала:

— Эта девушка очень умная, но дерзкая. Как всякая Роза, за чарующей красотой она скрывает маленькие, но острые шипы. Приглашай третью сестру, — сказала царица.

На третий танец Симеон пригласил Мальву.

— Какая из ваших четырёх сестёр самая лучшая? — спросил он Мальву, отплясывая с ней мазурку.

— Каждая из них так же хороша, как четыре жемчужины на вашем браслете, — ответила Мальва.

Царица выслушала ответ Мальвы и задумчиво сказала:

— Очень наблюдательная девушка. Она заметила четыре одинаковых жемчужины на твоём браслете. Не будет ли она так же тщательно подмечать мелкие недостатки у своего мужа? Не думаю, что это будет полезно. Послушаем, что скажут оставшиеся две невесты

Теперь дошла очередь до Фиалки.

— Какая из ваших четырёх сестёр самая лучшая? — задал царевич матушкин вопрос Фиалке, пригласив её на танец. На сей раз это была задорная полька.

– Я не могу ответить вам на этот вопрос, царевич, как не могла бы сказать, какая из двух половинок сердца лучше, потому что одной без другой невозможно жить, – ответила Фиалка.

Когда царица выслушала ответ Фиалки, она сказала:

– Это очень добрая девушка, и можно было бы остановить на ней свой выбор, но у нас есть ещё одна невеста, думаю, несправедливо отвергнуть её без испытания.

Раздались нежные звуки музыки.

– Иди же, приглашай, – шепнула мать Симеону.

Царевич подошёл к Лилии и склонился в поклоне:

– Позвольте пригласить вас на танец.

Лилия протянула ему руку.

– Какая из ваших сестёр самая лучшая? – в пятый раз задал царевич матушкин вопрос – теперь уже Лилии.

– Спросите у дождя, царевич, выбирает ли он, кому посылать влагу – лучшим или худшим? Так и любовь к сёстрам не может выбрать лучшую из них.

Когда царица услышала этот ответ Лилии, она воскликнула:

– Эта девушка – само совершенство! Её любовь может стать счастьем твоей жизни. Если она согласится стать твоей женой, я буду спокойна за тебя.

В тот же вечер Симеон пригласил сестёр вместе с их матушкой Анной остаться погостить во дворце. Всем стало ясно, что одна из сестёр выбрана царевичем в невесты. Осталось только узнать, кто именно. Уже на следующий день самые внимательные придворные не сомневались, что царевич выбрал Лилию.

Вы бы и сами догадались, если бы увидели подарки, которые царевич подарил сёстрам. Четыре сестры получили в подарок чудесные шкатулочки из яшмы с золотыми узорами, а Лилии Симеон преподнёс колечко, которое было очень похоже на обручальное. К концу третьего дня уже и самым невнимательным было понятно, что Лилия – избранница царевича.

Вы, конечно, хотите спросить: а Лилия полюбила царевича Симеона? Ещё бы! Его красота и нежность пленили её с первого взгляда. Но она и думать не смела о том, что может стать его женой.

В скором времени Лилия была названа царской невестой, и Анна вместе с пятью своими дочерьми переехала во дворец.

Роза, Мальва и Фиалка от души радовались счастью Лилии. Но только не Колючка. Она страшно завидовала Лилии и злилась, что царевич Симеон выбрал в жёны не её.

– Ведь первой он пригласил на танец меня, значит, я понравилась ему больше всех. Что там наговорили ему про меня сестрицы? Негодяйки! Сплетницы! Притворщицы! – в ярости бормотала Колючка.

Она не находила себе места от зависти. Какие только ругательства не сыпались на сестёр:

– Я отомщу им, всем вместе и каждой в отдельности, – твердила Колючка. – Они меня ещё узнают. Думают, что я могу только ругаться с прислугой и портить им настроение. Я могу испортить все ваши короткие жизни.

Тут в голове у Колючки созрел зловецкий план. Она придумала, как устроить так, чтобы женой царевича стала она, а не Лилия.

Немедля она начала осуществлять свой страшный замысел.

– А пока притворюсь-ка я хорошей, это им очень понравится, – решила Колючка.

Тем временем был назначен день свадьбы. Во дворце начались приготовления к торжеству. Портные, не покладая рук, шили наряды для царской семьи и придворных. Симеон заказал тысячи белых лилий, чтобы портные из их лепестков сшили свадебное платье для невесты.

А с Колючкой стали происходить странные перемены. Она стала грустить. Часто и надолго одна уходила из дворца, возвращалась усталая. Падала без сил на кровать в своей комнате и засыпала крепким сном. Не стало слышно её ругани, криков. Она перестала грубить матушке Анне и сёстрам. Анна и её дочери от всей души радовались этим переменам.

И вот как-то вечером сёстры решили спросить у Колючки: что случилось, почему она стала так тиха и задумчива.

– Может, тебе нужна наша помощь? – ласково спросила Фиалка.

– Дорогие сестрицы, я кое в чём хочу признаться вам, – ответила Колючка, – у меня тоже появился жених.

Сёстры очень обрадовались этой новости.

– Так вот в чём причина такой чудесной перемены в тебе! – воскликнула Роза.

– Мы рады за тебя, милая сестрица, – обняла Колючку Лилия.

Сёстры стали расспрашивать Колючку о её женихе:

– Кто он?

– Где он?

– Какой он?

– Расскажи о нём, – наперебой просили сёстры.

Вдруг Колючка разрыдалась:

– Ах, сестрицы, мой жених вовсе не царского рода. Мне стыдно признаться вам, но он простой дровосек и живёт в глухом лесу. Так что вы, наверное, и взглянуть на него погнушаетесь. Но я так полюбила его, – всхлипывала Колючка, – что всю жизнь готова прожить с ним в лесу. Я никому не говорила о нём, только вам открылась и вижу, что вы уже полны презрения ко мне и моему возлюбленному.

– Что ты, сестрица! – воскликнула Мальва. – Какое нам дело до его происхождения.

– Главное, что ты полюбила его, – утешала Колючку Фиалка, – а для нас он станет братом.

– Значит, вы не будете смеяться надо мной и моим возлюбленным?

– Даже и не думай об этом, – Роза нежно поцеловала Колючку, – мы готовы оказать ему такое же почтение, как и жениху нашей старшей сестры Лилии, царевичу Симеону. Не хочешь ли показать его нам?

Колючке только это и надо было:

– Едва ли вы ради него согласитесь идти в глухую лесную чащу, – с притворной грустью сказала она.

– В лесную чащу? – спросила Фиалка. – Почему бы и нет.

– Давайте завтра же и пойдём к жениху нашей сестрицы, – предложила Лилия.

– Пойдёмте, – согласилась Роза.

– Конечно, пойдём, – поддержала их Мальва.

– Я с вами! – воскликнула Фиалка.

– Идти придётся долго, по глухой чаще. Не пожалеете ли вы об этом, когда натрёте себе мозоли? – спросила Колючка.

– Ну и что? – засмеялась Лилия, – Никому ещё не помешала долгая прогулка.

Итак, пять сестёр на следующий день решили отправиться в лес к жениху Колючки.

– Давайте, сестрицы, не скажем никому, куда мы завтра отправляемся, даже нашей матушке, – попросила хитрая Колючка.

Сёстры заверили Колючку, что ни одна душа не узнает об этом.

На следующий день рано утром Лилия, Роза, Мальва, Фиалка и Колючка сели в маленький возок с царским вензелем и отправились к жениху Колючки. Они выехали за город. Маленький лёгкий возок быстро катился по широкой дороге. Сама Лилия управляла лошадьми. Колючка указала на узкую дорогу между сосен, и лошади свернули туда. Потом сёстры долго ехали по лесной дороге, пока не остановились у маленького ручейка.

– Дальше дороги нет, – сказала Колючка, – надо идти пешком.

Девушки оставили возок и пошли по узкой, едва заметной тропинке. Был чудесный летний день, лучи солнца яркими бликами пробивались сквозь густую листву, светлыми пятнами ложились на траву. Пели птицы, шелестели кроны могучих деревьев. Сёстры шли по лесу и весело болтали. Бедные девушки, они не подозревали, какую страшную ловушку приготовила для них Колючка.

– Далеко спрятался твой любимый дровосек, – шутила Роза, – но мы всё равно отыщем его в этой глухой чаще.

И действительно, чем дальше уходили сёстры от ручья, тем глуше и темнее становился лес.

– Не бойтесь, сестрицы, мы не заблудимся, – успокаивала Колючка сестёр, – мой возлюбленный оставил метки на деревьях, чтобы я могла найти его избушку в лесу, смотрите. – И действительно, на стволах деревьев были свежие зарубки. – А я сама завязала эти ленточки на ветках, чтобы не сбиться с дороги. Колючка указала на пёстрые верёвочки, висящие на деревьях. Она только не сказала, что эти

зарубки и ленточки указывают путь к глубокой яме, которую она тайно поручила выкопать в лесу некому землекопу, и вела теперь туда своих сестёр.

Колючке надо было сделать ещё одно важное дело для исполнения своего зловещего плана – выманить у сестёр четыре неувядающих матушкиных цветка.

– Знаете, сестрицы, – сказала она, – я решила выбросить свою колючку, вот, смотрите! – Она отодрала колючку от платья и бросила её в траву. – Сегодня такой счастливый для меня день! Не могли бы вы дать мне... – Колючка замялась. – Нет, моя просьба слишком дерзкая.

– Ты можешь просить у нас всё, что хочешь, – сказала Фиалка.

Сёстры были так рады переменам, произошедшим с Колючкой, что готовы были исполнить любое её желание.

– Я так хочу обратиться целиком к добру и не могу. Позвольте мне на сегодняшний вечер приколоть к моему платью вместо колючки ваши цветы. Я верю, что они помогут мне укрепиться на пути к добродетели. Только на один вечер.

– Конечно, сестрица, – сказала Лилия и тут же приколола свой цветок к платью Колючки, – пусть эти матушкины цветы смягчат твоё сердце.

Роза приколола розу, Мальва – мальву, а Фиалка – голубой цветочек фиалки.

– Спасибо, сестрицы, – горячо благодарила Колючка своих сестёр, – не бойтесь за них, я сразу же верну их после встречи с моим возлюбленным.

Время близилось к полудню.

– Ну вот, сестрицы, мы почти пришли. Видите вон то сухое дерево? Посмотрите, с какой стороны у него зарубка, – попросила Колючка.

Четыре сестры подошли к дереву – вдруг земля под их ногами провалилась, и они упали в глубокую яму. Тьма накрыла их.

– Сестрица, помоги нам, – стали они кричать и звать на помощь.

В ответ же услышали жестокие, страшные слова Колючки:

– Не для того я целый месяц готовила эту яму, чтобы вытаскивать вас отсюда, – она злобно рассмеялась. – Неплохо я придумала про дровосека. Ха-ха-ха! Вы и вправду подумали, что я могла выбрать себе в женихи какого-то жалкого дровосека? Наивные глупышки! Мне нужен царевич Симеон! И я его получу. Отныне я – Лилия.

Колючка закрыла яму большими ветками и мхом.

– Ну, что ж, милые сестрички, мне пора во дворец, царевич заждался меня. А вы пока посидите здесь. – Колючка снова расхохоталась и пошла прочь.

Это было только началом её коварного плана. Она добралась до возка и погнала лошадей в другую сторону, в отдалённый Кукушкин лес, где возвышалась красная скала. Старая красная скала была покрыта трещинами, из которых часто к подножию сыпались камни.

Первым делом Колючка разбросала у скалы цветки Розы, Мальвы и Фиалки. Но, подумав, оставила только цветок розы, а остальные закопала в землю, подалее от скалы.

– Так будет правдоподобнее, – пробормотала она.

Цветок лилии Колючка приколотла к своему платью. Но как только она это сделала, лилия завяла, её лепестки пожелтели и скрутились в стружку. Колючка сорвала засохшую лилию, бросила на землю и в ярости растоптала.

— Дьявол! Теперь не так-то просто будет убедить царевича в том, что я Лилия, — злилась она, — ну ничего, я готова на всё.

Сначала Колючка расцарапала себе лицо острыми камнями. Сжимая зубы от боли, нанесла раны на руки, измазала кровью обрывки верёвок, которые заранее припрятала в скале. Потом разбросала их вокруг.

Возок с царским вензелем Колючка оставила на месте и побрела в город.

Всю ночь она кружила по лесу и только к утру выбралась на большую дорогу. Израненные руки кровоточили и болели. Силы оставили Колючку, и она потеряла сознание.

Тем временем во дворце поднялся страшный переполох: исчезла невеста царевича Лилия, а вместе с нею и четыре её сестры. Даже матушка Анна не знала, куда подевались девушки. Когда стали расспрашивать слуг, они сообщили, что рано утром пять сестёр тайно куда-то уехали, не сказав никому ни слова.

Царевич Симеон просто потерял голову. Он объявил тревогу и разослал во все концы царства воинов на поиски Лилии и её сестёр. Один из отрядов и нашёл израненную окровавленную Колючку на обочине дороги, ведущей в город.

Её привезли во дворец. Никто не мог узнать, какая же из сестёр нашлась. На её платье не было никакого цветка. Было ясно, что с дочерьми Анны случилось что-то страшное.

Лучшие доктора день и ночь хлопотали возле неё. Царевич и матушка Анна не отходили от её постели. Наконец Колючка открыла глаза и произнесла слабым голосом:

— Где мой жених?

— Так ты Лилия! — радостно воскликнул царевич. — Что случилось с тобой, милая моя Лилия? Где твои сёстры?

— Не спрашивайте меня, лучше вам не знать этой ужасной истории.

— Но тебе надо рассказать обо всём, чтобы мы смогли найти твоих сестёр, — уговаривал Колючку Симеон. Он, без всяких сомнений, принял её за Лилию.

— Моих сестёр? Они скоро сами появятся во дворце во главе с Колючкой, которая скажет, что она и есть Лилия, твоя невеста.

— Колючка скажет, что она моя невеста Лилия? Я ничего не понимаю, — недоумевал царевич. — Расскажи нам обо всём, что случилось с тобой.

И Колючка, выдавая себя за Лилию, рассказала им ужасную историю, в которой ловко смешала с правдой ложь, очернила и оклеветала своих сестёр.

Послушаем, что рассказала Колючка, выдавая себя за Лилию:

— У них был ужасный план. Они повезли меня в Кукушкин лес, как будто к жениху Колючки, и там привязали верёвками к скале. Я чуть не лишилась чувств от их предательства. Я умоляла сказать, почему они так поступают со мной. И Колючка ответила мне, что надо лучше заботиться о сёстрах, а не только о себе, что заботливая сестра давно бы нашла им хороших женихов. Вы знаете Колючку,

она способна на многое. Но как она могла склонить остальных к такому злодейству, я не могу понять.

Колючка продолжала плести свою гнусную ложь:

— Сёстры были так уверены в моей гибели, что даже не скрывали от меня своих планов. Они договорились, что Колючка назовётся Лилией, и через несколько дней все четверо вернутся во дворец и расскажут ужасную историю про то, как Колючка засадила их в яму в лесу, а сама решила стать Лилией. Потом Колючка сняла матушкины цветы с платьев своих сестёр, сорвала с меня лилию и сказала: «Теперь никто не сможет понять, где Колючка, а где Лилия». Сёстры оставили меня привязанной к скале и ушли.

— А как же ты? Что случилось дальше, дорогая Лилия? — взволнованно спросил царевич.

Колючка снова всхлипнула для убедительности и продолжила: — Ночью скала остыла, и начался камнепад. Огромные камни с гудением пролетали мимо меня. Я чудом осталась жива, но несколько камней ударили мне по рукам. Это было и несчастьем и счастьем для меня. Камни перебили верёвки, которыми я была привязана к скале. Я оказалась свободна, но руки мои были изранены, очень болели и кровоточили. Долго я блуждала по лесу, потом вышла на какую-то дорожку и дальше ничего не помню, очнулась во дворце, — закончила Колючка свой рассказ.

Матушка Анна, Елизавета, царица-мать и Симеон молча сидели, как громом поражённые.

— Бедная моя Лилия — царевич осторожно погладил и поцеловал перебинтованные руки. — Я больше никуда не отпущу тебя. — Царевич взглянул в глаза Колючки. Её глаза были полны страдания. Разбитые руки, действительно, сильно болели, и царевич Симеон не заметил подмены, он не увидел жёсткого и холодного взгляда Колючки.

— Значит, твои сёстры должны появиться во дворце? — спросила царица. — И та, которая назовётся Лилией, будет на самом деле Колючкой?

— Да, — продолжала лгать Колючка. — Они надеются, что я погибла в лесу. Когда они увидят меня здесь живой, то, наверное, будут говорить, что я и есть Колючка, скажут, что я заманила их в ловушку. А что ещё им останется делать?

— Только дьявол мог придумать такое, — воскликнул царевич Симеон. — Колючка назовётся Лилией, моей невестой, и будет утверждать, что ты и есть Колючка. Где сейчас твои сёстры?

— Я не знаю. Они говорили, что выждут несколько дней в тайном месте, потом появятся во дворце и скажут, что неделю сидели в глубокой яме, в которую их заманила Колючка. Прошу тебя, не наказывай их строго, — с притворной жалостью сказала Колючка.

— Они совершили страшное злодеяние, — гневался царевич, — они решились обречь тебя на смерть, отнять у меня самое дорогое сокровище, мою невесту Лилию. Их надо немедленно найти, раньше, чем они сами появятся здесь, и призвать к ответу.

Симеон вызвал своих генералов и отдал приказ: отыскать четырёх сестёр, где бы они не были, и доставить их во дворец.

Несчастливая Анна сидела в покоях Лилии, где теперь на постели лежала Колючка, окружённая докторами. На Анну все даже боялись взглянуть. Она онемела от горя. Мать близнецов не произнесла ни слова, ни о чём не спросила свою дочь, которая выдавала себя за Лилию. Она только не переставая плакала.

Сказать по правде, больше всего Колючка боялась, что именно мать узнает её и раскроет обман. Ведь только Анна безошибочно различала своих дочерей по взгляду. Когда все пожелали спокойной ночи «Лилии» – Колючке и оставили её, она поспешила в покои матушки.

Анна тем временем попросила Елизавету принести цветок лилии из сада.

– Ты, наверное, не веришь, что я Лилия? – спросила Колючка матушку, войдя в её покои.

– Я верю. Я даже приготовила для тебя цветок лилии, чтобы приколоть его к твоему платью, как и подобает моей старшей дочери.

Матушка подошла к Колючке и приколотла на грудь лилию. Но цветок тут же увял, скрутился и пожелтел.

– Ты не Лилия, ты – Колючка, – тихо сказала Анна.

Колючка злобно стряхнула засохший цветок с платья:

– Да, я Колючка! Но если ты скажешь кому-нибудь об этом, то больше не увидишь своих дочерей.

Такой удар Анна была не в силах перенести. Она не могла держаться на ногах. Подоспевшая Елизавета уложила свою госпожу на постель.

– Молчи и ты, – грубо сказала Колючка верной служанке Анны, – а не то лишись своих любимиц навсегда.

Колючка вышла вон и поспешила в покои Лилии.

Царицу, мать Симеона, между тем одолевали сомнения. Она позвала своего сына и спросила:

– Скажи мне, сынок, может ли белое в один миг стать чёрным? Может ли птица заблестеть, а соловей закукарекать?

– Думаю, нет, матушка, не может птица заблестеть, а соловей закукарекать, – ответил Симеон. – Но к чему вы это говорите?

– Могут ли добронравные сёстры Лилии поддаться уговорам Колючки и обречь Лилию на смерть?

– Ах, матушка, вы же знаете, что человек зол и завистлив. Зависть и не таких добродетельных доводила до греха.

– Не заметил ли ты перемены в царевне Лилии? Не изменилась ли она? – снова спросила царица.

– Конечно, изменилась. Ещё бы! Ты сама видела её. Мою невесту предали любимые сёстры. От этого можно потерять голову, сойти с ума и лишиться памяти.

– Да-да, я понимаю, но будь внимателен. Что-то не даёт мне покоя.

– Вот отыщем Колючку и её сестёр, и всё станет ясно. А сейчас, матушка, когда я вновь обрёл мою возлюбленную, не омрачай моё счастье своими сомнениями.

К тому же матушка Анна, она одна может различать своих дочерей, она ведь признала Лилию, – горячо убеждал царевич Симеон свою мать.

«Ах, безоглядная молодость, которая никогда не прислушивается к голосу сомнений и разума, – подумала царица. – Но вот с матушкой Анной мне стоит поговорить».

На следующий день утром царица поспешила в покои Анны. Её встретила взволнованная Елизавета.

– Анна вчера вечером слегла в постель. Она едва дышит. И доктора говорят, что нет никакой надежды на выздоровление.

– Какое несчастье! – воскликнула царица. – Наша бедная Анна! Немедленно пришлите сюда моего личного доктора.

Царица склонилась над Анной и тихо спросила:

– Анна, ты узнала свою дочь Лилию?

После долгого, долгого молчания, когда царица-мать уже потеряла всякую надежду услышать ответ, Анна, помня угрозу Колючки, едва слышно произнесла:

– Да...

Это были последние слова матушки Анны. Её сердце не выдержало горя, и она умерла.

Дворец погрузился в траур. Колючка могла быть спокойной, теперь никто не смел обличить её в обмане.

А как же добрые сёстры? Они изнемогали в глубокой яме от неведения, страха, голода и жажды. Они кричали и звали на помощь, но яма была такая глубокая, а чаща такая глухая, что никто не слышал их криков о помощи. По ночам раздавалось жуткое уханье филина. Иногда над ямой светились его жёлтые глаза. Ревели медведи и вепри, выли волки.

Не было на целом свете никого несчастнее девушек. Родная сестра жестоко обманула их и обрекла на медленную смерть в глубокой яме. Сёстры, как могли, утешали друг друга. Час тянулся за часом. Свет в яму не проникал, и они потеряли счёт времени.

Никто из них не мог сказать, сколько дней они провели в яме, прежде чем услышали глухой голос, доносящийся сверху:

– Поднимайтесь.

К ногам девушек упал конец верёвочной лестницы.

– Неужели мы спасены? – воскликнули девушки.

Сёстры одна за другой выбрались из ямы. Были глубокие сумерки. В полутьме они увидели худого согнутого старика с длинной белой бородой. Лицо его было закрыто капюшоном.

– Идите за мной, я выведу вас из леса, – негромко произнёс он.

– Кто ты, как ты нас нашёл, дедушка? – стала спрашивать его Роза.

Но старик молча шёл вперёд и не отвечал на вопросы сестёр. Когда чаща стала редеть, и сёстры, наконец, вышли на дорогу, старик выпрямился, зашагал быстрее и растворился в темноте, как будто его и не было.

Сёстры долго шли по дороге. Настала тьма, они совсем выбились из сил, прилегли на обочину и уснули.

Утром они проснулись от грубых криков и ругательств. Отряд воинов, посланный на поиски сестёр, которых теперь, после рассказов Колючки все считали злодейками, нашёл их спящими на обочине дороги.

– Вот они где, негодяйки! Торопятся во дворец во главе с самозванкой.

– Как вы смеете обращаться так с невестой царевича! – вскричала Мальва, закрывая Лилию от воинов.

Воины расхохотались и принялись осыпать несчастных сестёр ругательствами и издеваться над ними:

– Царевна Лилия! – вопили они. – А где же её лилия? Её чудесный цветок? Что-то мы не видим.

Один воин собрал с земли колючки и стал бросать их на платье и волосы Лилии.

– Слава тебе, царевна Колючка! – хохотали воины.

– Значит, Колючка уже объявила себя невестой Симеона, – простонала Лилия, – а мне теперь суждено быть Колючкой.

– Утешься, сестрица, – сказала Фиалка, – мы расскажем царевичу истинную правду, всё в один миг образуется.

Но Лилией овладели самые тяжкие предчувствия.

Сестёр сковали цепями, усадили на большую скрипучую телегу и повезли в город. Когда их везли по улицам родного города, из всех дверей высыпали горожане. Они злобно кричали:

– Изменницы! Предательницы! Злодейки! Они посягнули на жизнь нашей любимой Лилии, царской невесты. Казнить! Их надо казнить!

В сестёр швыряли камнями и комьями земли.

– Боже милосердный, – шептала Лилия, – за что нас так возненавидели, что наговорила про нас Колючка? Мы превратились в злодеек и убийц!

Четырёх сестёр, скованных цепями, доставили во дворец. Стража привела их в тронный зал. И что же?

На тронном месте они увидели царицу, Симеона и довольную Колючку. Она была одета в роскошное белоснежное платье, отороченное песцовым мехом, на груди красовалась искусно сделанная из шёлка лилия, которую обманщица выдавала за настоящую. Руки её были перебинтованы. Рядом с царской семьёй, слева и справа за длинными столами сидели судьи в пышных париках и красных мантиях.

При первом взгляде на сестёр, Колючка не могла скрыть своего торжества. Но тут же она потупилась и произнесла жалобно:

– Сестрицы, что плохого я вам сделала, за что вы хотели погубить меня?

– Мы хотели погубить тебя?! – вскричала Роза. – Ведь это ты заманила нас в ловушку, в эту страшную яму. Царевич, верь нам, та, которая сидит рядом с тобой, вовсе не Лилия, а Колючка.

Колючка потупила взор:

– Как я говорила, так и случилось. Они клеветают на меня.
– Кто же из вас Лилия? – спросил царевич насмешливо. – Что-то я не узнаю своей невесты.

– Я, – тихо сказала Лилия.

– Она достойна смерти, – в гневе произнёс царевич.

Сёстры застыли в ужасе.

– Что я сделала, царевич? – заплакала Лилия.

– Ты всего-навсего хотела погубить мою невесту, Лилию, и занять её место.

– Позволь нам, царевич, рассказать обо всём, что с нами случилось, – стала умолять Мальва.

– Я знаю всё, что вы хотите мне рассказать, – царевич встал с трона и в гневе сжал эфес своей шпаги, – вы надеялись, что Лилия погибнет, и вам можно будет безнаказанно лгать, но она жива и сама свидетельствует против вас.

Но тут вступила в разговор мать Симеона. Её не оставляла тревога, у мудрой царицы многое вызывало сомнение.

– Вы можете рассказать всё, что хотите, – сказала она сёстрам и милостиво кивнула им.

Сёстры рассказали всю правду о том, как Колючка заманила их в лес, как подвела к глубокой яме, в которую они упали. Но эта правда теперь выглядела хитро придуманной ложью. Колючка ловко исполняла свой план.

– Как же вы выбрались из ямы? – спросила сестёр царица.

– Я знаю, что они сейчас скажут! – воскликнула Колючка. – Ведь они и об этом договорились. Сейчас вы услышите историю о том, как один старичок бросил им лестницу в яму и вывел их из лесу, а потом исчез.

– Так и было, – растерянно произнесла Лилия.

– Ничего нового придумать не успели, – торжествующе произнесла Колючка.

Ещё бы Колючке не знать, как сестры выбрались из ямы. Ведь этим сгорбленным старичком была она сама. Да-да, это она, переодевшись в старика, пришла поздно вечером к яме и помогла сёстрам выбраться. Вы спросите, зачем ей это стало нужно? Это было частью её низкого плана. Она заставила своих сестёр свидетельствовать против самих себя. И потом, какое торжество пережила завистливая Колючка, видя своих сестёр поруганными и несчастными.

Царевич Симеон обратился к судьям и спросил:

– Виновны ли четыре сестры?

– Виновны, – ответил главный царский судья. – Мы были в Кукушкином лесу, видели обрывки окровавленных верёвок, которыми была привязана Лилия к скале. И вот ещё что мы там нашли, – судья высоко поднял неувядающий цветок розы. – Только четыре девушки на свете имеют такие неувядающие цветы, и одна из них – Роза.

Вы, наверное, помните, что цветок розы Колючка специально бросила возле старой скалы.

– Но она выманила у нас эти цветы! – воскликнула Мальва.

Царевич Симеон ничего больше не хотел слушать.

- Какого наказания они достойны? – вновь спросил он у судей.
- Смертной казни, – сказал главный судья.
- Достойны, – подтвердил царевич Симеон, – уведите их.
- Сестрицы, ещё не всё потеряно, – прошептала Лилия своим сёстрам. Она обратилась к судьям: – Можем ли мы попросить исполнить наше последнее желание?
- Мы не вправе отказать вам в этом, – ответили судьи.
- Пусть наша матушка приколет лилию, розу, мальву и фиалку к нашим платьям, и вы увидите, что мы говорим истинную правду, вы увидите, что цветок лилии не увянет на моей груди, что я и есть Лилия. И потом, только наша матушка может различать нас. Позовите нашу матушку, – попросила Лилия.
- Но ваша матушка умерла, когда узнала, что сотворили её дочери, – ответили судьи, – она не выдержала такого позора. И она признала Лилию Лилией. – Судья торжественно указал на Колючку.

Сёстры поникли от горя. Теперь у них не оставалось никакой надежды.

На рассвете сестёр повезли к месту казни. Их одели в жалкие рубища, сковали руки цепями. Огромная толпа собралась на площади. Царевич Симеон, Колючка и царица-мать заняли свои места у лобного места. Таковы были обычаи того времени. На казнь, как и на торжество, собирались все жители столицы. Палач уже был готов исполнить свою работу.

Четыре сестры взошли на лобное место. Их лица сияли красотой и ангельской кротостью. Толпа, которая вчера оплёвывала их и покрывала бранью, прониклась состраданием к дочерям благочестивой Анны. И вот, когда палач уже достал своё страшное орудие, случилось чудо. Прямо с небес слетели четыре белых голубки, они опустились на плечи девушек и нежно заворковали. И в тот же миг на грубых рубищах сестёр расцвели чудесные цветы: на груди Лилии – лилия, Розы – роза, Мальвы – мальва, Фиалки – фиалка. Толпа ахнула как один человек и застыла.

В полной тишине над площадью вдруг раздалось резкое карканье. Огромная чёрная ворона покружила над площадью и уселась на голову Колючки. Все взоры устремились на неё. И каждый увидел, как фальшивая лилия на её груди превратилась в сухую колючку. Царевич Симеон в ужасе отшатнулся.

И тут случилось ещё одно чудо. С безоблачного неба на Колючку хлынул поток дождя. Это все слёзы матушки Анны, которые она проливали о своей младшей дочери, превратившись в дождь, упали на неё с неба. Как только чудесные струи омыли её, острая боль пронзила грудь Колючки, и она упала без чувств. Давняя заноза, засевшая в сердце своенравной девчонки в тот день, когда она прикалывала к своему платью колючку, заноза, сделавшая её злой и коварной, вышла из сердца, а вместе с ней – злоба, ненависть и зависть.

Когда Колючка открыла глаза и вспомнила всё, что было ею сделано, она залилась горькими слезами. Чувство вины и раскаяние жгло её сердце.

- Я хотела погубить своих сестёр, – захлёбывалась слезами Колючка, – я заманила их в лес и подтолкнула к яме. Я назвала себя Лилией и желала смерти

своим сёстрам. Я заставила молчать матушку и своими поступками довела её до могилы. Я достойна смерти. Это я сейчас должна быть на месте своих сестёр.

Колючка встала и, шатаясь, взошла на лобное место. Посреди гробового молчания она опустила свою голову под топор палача.

Четыре сестры бросились к ней.

– Остановись, сестрица! – воскликнула Лилия. – Твои слёзы – это спасение. Ты больше не будешь Колючкой.

И тут к сёстрам подлетела пятая голубка, она несла в клюве цветок ромашки. Лилия протянула вверх руки, и ромашка упала в её ладони.

– Это от нашей матушки, – воскликнула Лилия со слезами.

Она нежно поцеловала ромашку и приколола её на грудь младшей сестры.

– Отныне имя тебе будет Ромашка, – произнесла она. И Колючка вновь горько разрыдалась.

Тем временем царица приказала всем разойтись, а сестёр немедленно увезти во дворец. Так завершились их ужасные мучения.

Надо ли говорить, что царевич Симеон и Лилия обвенчались, как только закончился траур по матушке Анне. Для Лилии лучшие портные, по заказу Симеона, изготовили свадебный наряд из ста тысяч лепестков белых лилий. Ни один лепесток её платья не увял, пока шли свадебные торжества.

Во всём царстве не было супругов счастливее и прекраснее Симеона и Лилии.

В день памяти матушки сёстры посадили на её могиле каждая по своему цветку: лилию, розу, мальву, фиалку и ромашку. Все цветы быстро росли и пышно цвели, кроме ромашки. Она стояла чахлая, вялая. Та сестра, которая носила теперь имя Ромашка, видя это, мучилась тяжкой виной. От этого рана, оставшаяся после занозы, не переставая, кровоточила и день и ночь.

Однажды вечером она пришла к сёстрам и сказала:

– Я не могу больше здесь оставаться. Мне больно и стыдно, вина за смерть матушки терзает моё сердце и не даёт мне покоя. Завтра я уйду из дворца. Не ищите меня, может быть, я когда-нибудь вернусь к вам. Когда-нибудь, когда искуплю вину, и рана перестанет кровоточить, когда я стану достойной вас и памяти матушки.

Как ни уговаривали её сестры, она твердила одно:

– Мне надо уйти, я не могу смотреть вам в глаза, я не могу жить в этих стенах, ходить на могилу матери – всё напоминает здесь о моих злодеяниях. Не удерживайте меня, сестрицы. Позвольте мне уйти.

И все-таки Ромашке пришлось еще раз обмануть своих сестёр. Она пообещала им, что утром придёт проститься. Но, побоявшись, что сёстры вновь начнут уговаривать её остаться, и она не сможет устоять перед их просьбами, Ромашка решила не прощаться.

На рассвете, в простом платье, с маленьким узелком в руках, никем не замеченная, она вышла из дворца, и направилась на рыночную площадь. Там она смешалась с толпой странников и вместе с ними покинула город.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Чудесные платья
2. Трюфелька
3. Сказка Осеннего ветра
4. Мушка-быструшка и козявочка-раззявочка
5. Кустарник доброй Елены
6. Приключения деревянной щепки
7. Песчинка
8. Пять сестер